
Вики Мох
Правда между нами
18+

Вики Мол

Правда между нами

«Автор»
2026

Мол В.

Правда между нами / В. Мол — «Автор», 2026

Шесть лет назад мой брат погиб. Все считали это несчастным случаем. Все, кроме меня.Одна встреча с Максимом Волковым перевернула мою жизнь. Он опасен, влиятелен и явно знает больше, чем говорит.Я хотела лишь узнать правду о смерти брата. Но что делать, если единственный человек, способный помочь, становится тем, кому опаснее всего доверять?А ещё опаснее — влюбляться.

© Мол В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Скучная жизнь Лики Артёмовой 6
Глава 2. Знакомство с неприятностями 8
Глава 3. Два дня ожидания 11
Глава 4. Незваная гостья 14
Глава 5. Фамилия из прошлого 16
Глава 6. У каждого свои скелеты 24
Глава 7. Чужие тайны 30
Глава 8. Призраки не звонят в дверь 35
Глава 9. Звёзды умеют хранить секреты 41
Глава 10. Дом, который помнит 51
Глава 11. Цена молчания 62
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Вики Мол
Правда между нами

ПРАВДА МЕЖДУ НАМИ

Некоторые тайны разрушают жизни. Другие – связывают судьбы.

Глава 1. Скучная жизнь Лики Артёмовой

Меня зовут Артёмова Лика Витальевна. Ещё несколько дней назад моя жизнь казалась мне скучной и предсказуемой. Теперь я многое отдала бы за один такой день.

Сейчас я сижу напротив незнакомого мужчины. При других обстоятельствах я, возможно, обратила бы на него внимание. Но мои руки связаны, во рту кляп, а он смотрит на меня так, словно именно я должна объяснить, что здесь происходит.

Пальцы онемели. Я пытаюсь пошевелить ими и снова смотрю на дверь. Закрыта. За последние несколько минут я успела убедиться: никто не собирается выпускать меня по первому требованию.

⁂

Всё началось несколько дней назад. Я работала барменом в ночном клубе «Пантера». Работа была непростой, особенно по выходным, но платили прилично, а чаевые помогали не думать о лишних расходах. С назойливыми посетителями обычно справлялась охрана.

Перед выходом я задержалась у зеркала, пытаясь привести в порядок русые волосы. Голубые глаза смотрели на меня с таким выражением, будто уже заранее знали, сколько чужих историй мне придётся выслушать за ночь. При моих ста шестидесяти четырёх сантиметрах роста внушительной меня можно было назвать разве что по части характера. Я поправила майку и заметила у края ткани знакомые тонкие линии татуировки на рёбрах: маленькое созвездие, среди звёзд которого пряталась змейка. Когда-то этот рисунок казался мне страшно загадочным. Теперь я просто радовалась, что сделала его там, где не приходится ежедневно объяснять людям, что он означает.

Смена начиналась как обычно. Я поздоровалась с ребятами и встала за барную стойку. Музыка гремела так, что, казалось, вибрировали даже бутылки на полках.

Я смешивала коктейли, улыбалась клиентам и делала вид, что мне невероятно интересно слушать их истории. За два года я научилась отличать тех, кому действительно хотелось поговорить, от тех, кому просто требовалась публика.

В тот вечер моё внимание привлекла компания из пяти человек: два парня и три девушки. Всем на вид было чуть больше двадцати. Дорогая одежда, часы, сумочки, которые, вероятно, стоили больше моей месячной зарплаты. Они заняли один из лучших столиков и с самого начала вели себя так, словно весь клуб существовал ради их развлечения. Один из парней щёлкнул пальцами, подзывая официантку, и рассмеялся, когда та сделала вид, что не заметила. Второй громко потребовал заменить бутылку, даже не попробовав напиток. Девушки переглядывались и то и дело поглядывали на вход. Веселье выглядело нарочитым, а мне было жаль персонал, которому предстояло терпеть их до конца ночи. Потом за столиком неожиданно стало тихо. Все пятеро одновременно повернули головы.

Со стороны входа к столику направлялся мужчина. Высокий шатен, спортивный, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Под тканью угадывались широкие плечи, а вдоль предплечья тянулся узор татуировки – что-то похожее на колючую лозу.

Резкие черты лица, настороженный взгляд зелёных глаз. Меня зацепила не столько его внешность, сколько уверенность, с которой он шёл к столику.

Я поймала себя на том, что слишком долго смотрю на незнакомца, и вернулась к заказу.

Мужчина остановился у столика и что-то сказал. Один из парней попытался ответить с улыбкой, но та быстро исчезла. Незнакомец даже не повысил голоса; он лишь чуть наклонился вперёд и произнёс ещё несколько слов. Одна из девушек побледнела, схватила сумочку и поспешно вышла. Остальные остались сидеть, глядя кто в стол, кто друг на друга. Я понятия не имела, чем он их так напугал, но наблюдать за внезапно притихшей компанией было почти приятно. Впрочем, чужие дела меня не касались. Я вернулась к заказам.

Моя смена закончилась около четырёх утра. Я вышла на улицу и стала ждать такси. Мимо на большой скорости пронеслась тёмная машина. Раздался короткий хлопок, и человек на противоположной стороне улицы рухнул на асфальт.

На мгновение я застыла. Потом вызвала скорую, подбежала к мужчине и, следуя указаниям диспетчера, попыталась помочь. Руки дрожали, сердце колотилось. Я не знала, слышит ли он меня, и всё равно повторяла: «Держитесь. Помощь уже едет».

Потом приехали медики и полиция. Меня расспрашивали о машине, выстреле и возможных свидетелях. Я почти ничего не запомнила. Мужчину увезли живым, а домой я добралась лишь к восьми утра.

Проснулась от звонка Андрея, моего сменщика. Он попросил поменяться сменами, и я согласилась: после ночных событий мне хотелось занять голову привычной работой.

К вечеру я снова пришла в «Пантеру». Там все суетились: оказалось, подстрелили одного из совладельцев клуба. Я-то думала, что хозяин у нас один – Князев. Но, как выяснилось, был и второй.

– Говорят, второй владелец человек непростой, – заметил повар Игорь. – С ним лучше не спорить.

⁂

Всю следующую смену меня не покидало чувство, будто кто-то наблюдает. Я оглядывалась, но ничего подозрительного не замечала. Даже по дороге домой ощущение не исчезло. Только закрыв дверь квартиры, я смогла выдохнуть.

⁂

На следующий день я собиралась никуда не выходить. Приняла душ, переоделась в пижаму и включила сериал, но всё время возвращалась мыслями к выстрелам возле клуба.

Утром меня разбудил дверной звонок. Я никого не ждала, поэтому осторожно посмотрела в глазок. Там стояли двое мужчин в тёмной одежде. Они звонили снова и снова. Я затаила дыхание и отошла от двери, надеясь, что незнакомцы решат, будто дома никого нет.

Позже выглянула в окно. Мужчины стояли у тёмной машины, один говорил по телефону. Через какое-то время они уехали. Тревога не отпускала, но поводов вызывать полицию у меня, казалось, не было. Я вернулась к сериалу, так и не сумев сосредоточиться на сюжете.

Друзей у меня было немного. Я легко знакомилась с людьми, но близко подпускала редко. В одиночестве было спокойно – по крайней мере, до этой недели.

В тот вечер я убедила себя, что незнакомцы у подъезда больше не появятся. Хотелось верить, что всё обойдётся.

Глава 2. Знакомство с неприятностями

На следующий день я собралась на работу: джинсы, кроссовки, майка и толстовка. Закрыла квартиру и вышла из подъезда.

Кто-то схватил меня сзади. К лицу прижали тряпку с резким химическим запахом. Я рванулась, попыталась закричать, но чья-то ладонь крепче зажала мне рот. Улица расплылась перед глазами, и я потеряла сознание.

⁂

Просыпаться оказалось неприятно. Голова раскалывалась, руки были связаны за спиной, во рту торчал кляп. Я сидела на стуле в просторной комнате с дорогой тёмной мебелью и закрытыми шторами.

Напротив в кресле сидел мужчина. Тот самый, из клуба. Теперь я смогла рассмотреть его как следует: шатен лет тридцати пяти, высокий, даже сидя это было заметно, с широкими плечами и спортивной фигурой под чёрной рубашкой. Резкие скулы, лёгкая щетина и зелёные глаза, которые смотрели так, будто я лично испортила ему утро. На предплечье темнела татуировка: лоза с острыми шипами обвивала руку и уходила под закатанный рукав. Интересно, где она заканчивалась – на плече или тянулась дальше, по спине? Так, Лика. Тебя похитили. Может, не время разгадывать анатомические загадки этого красавчика?

– Ну что, поговорим? – холодно спросил он.

Я кивнула, выразительно посмотрев на кляп. Мужчина подошёл и вытащил его.

– Может, сначала объясните, зачем меня сюда привезли? – хрипло спросила я. – Если вам нужно было поговорить, можно было просто позвонить.

– Ты держишься спокойнее, чем я ожидал, – заметил он.

– Я пока пытаюсь понять, чего вы от меня хотите.

Он удивлённо приподнял брови.

– Ты вообще понимаешь, кто я?

– Если честно, понятия не имею. Как и причина, по которой я здесь оказалась.

– Максим Александрович Волков. Владелец клуба, в котором ты работаешь.

Мои брови поползли вверх.

– Значит, вы мой начальник? – Я посмотрела на связанные руки. – Странный способ познакомиться с сотрудницей.

⁂

– Три дня назад возле моего клуба подстрелили человека. Ты была там. Что ты видела?

– Я уже рассказала всё полиции. Машина пронеслась слишком быстро. Я не запомнила ни номер, ни даже точный цвет. Когда человек упал, я думала только о том, как ему помочь.

Я на секунду замолчала. Перед глазами всплыл тот вечер: музыка, яркие огни, молодая компания за столиком и мужчина с татуировкой, который сумел заставить их замолчать.

– Подождите. Я вас видела в клубе. Вы подходили к компании молодых ребят. Они как раз устроили представление для официантов. Это как-то связано со стрельбой?

Максим нахмурился, словно не сразу понял, о ком речь.

– Нет. Обычные избалованные дети знакомых. Решили, что в моём клубе им позволено больше, чем остальным.

– И что вы им сказали? Одна девушка от вас почти убежала.

– Что при следующей жалобе персонала я лично позвоню их родителям. Их семьи я знаю давно.

Я невольно удивилась.

– И этого хватило?

– Судя по всему, да. Но к нападению они отношения не имеют. Вернёмся к тому, что ты видела на улице.

Значит, разговор за столиком не имел отношения к стрельбе. Я вспомнила, как быстро притихли молодые люди. Похоже, Волков привык добиваться своего без крика.

Он смотрел на меня, словно пытался решить, насколько я опасна. Наконец Максим поднялся и развязал мне руки. Я принялась растирать запястья. На коже остались красные следы.

– Зачем меня вообще связывали? Я бы ответила на ваши вопросы и без этого.

Он молчал. И меня это уже начинало бесить.

– Ну, раз мы всё выяснили, я пойду.

– Нет.

– Почему нет? Что ещё от меня надо?

– Ты оказалась в ситуации, которую пока не до конца понимаешь.

– Я понимаю больше, чем вам кажется. Например, то, что оказалась здесь исключительно по вашей воле.

Максим объяснил, что стрелявшие ищут свидетелей. И хотя я ничего не видела, им этого неизвестно. Я вспомнила мужчин, приходивших ко мне домой. Рассказала о звонках и тёмной машине. Волков сразу позвал своего человека и велел проверить камеры возле моего дома.

– Ты не понимаешь, насколько всё серьёзно, – сказал он, когда мы остались одни.

– Тогда объясните. Что именно мне угрожает и откуда вы это знаете?

– Они знают, где ты живёшь. Поэтому домой ты пока не вернёшься.

– В каком смысле?

– Останешься здесь.

Я нервно рассмеялась.

– Вы сначала привезли меня сюда против воли, а теперь уверяете, что это ради моей безопасности? Вы хотя бы понимаете, как это звучит?

– Понимаю, что ты мне не веришь. Но на улице тебя гораздо легче найти.

Я закрыла лицо ладонями.

– Я собиралась на работу, – сказала я. – А теперь не могу даже выйти отсюда. Вы понимаете, что со мной сделали?

Я заставила себя говорить ровно:

– Где я буду спать? Что будет с работой? И смогу ли я позвонить кому-нибудь, чтобы сообщить, что со мной всё в порядке?

Максим потёр переносицу. Похоже, он не привык отвечать на чужие вопросы.

– Артёмова, ты закончила?

– Пока нет. И я бы предпочла, чтобы вы отвечали на вопросы, а не решали за меня.

Я не стала скрывать раздражения. Максим всё понял, судя по тому, как сузились его зелёные глаза.

– Константин! – позвал он.

Почти сразу появился высокий парень в чёрной футболке. Я уже видела его раньше. Кажется, Максим называл его Константином.

Я вопросительно взглянула на охранника, но тот предпочёл смотреть мимо меня. Кажется, в этом доме никто не собирался объяснять происходящее. Я всё яснее понимала, насколько мало контролирую собственное положение.

– Подготовь для Артёмовой комнату, – велел Максим. – Пусть Марина Васильевна позаботится обо всём необходимом. Её вещи привезите.

– Понял, Максим Александрович.

– Дверь хотя бы не будут запирать снаружи? – спросила я.

Константин кашлянул, но под взглядом Максима тут же замолчал.

– По дому можешь ходить свободно, – сказал Волков, снова обращаясь ко мне. – По участку тоже. Дом охраняется. За ворота выходить нельзя. Как только всё разрешится, тебя отпустят. Надеюсь на содействие.

– А мои вещи? И где телефон?

– Телефон пока останется у меня. Вещи привезут.

– А позвонить кому-нибудь? Сообщить, что я жива, например?

– Кому?

Я открыла рот и вдруг задумалась. С близкими друзьями у меня было туго. Родных тревожить не хотелось. На работе отсутствие, похоже, уладят без меня.

– Я всё равно хочу иметь возможность позвонить. Даже если пока не решила кому.

– Если что-нибудь понадобится, обращайся к Марине Васильевне. Она занимается домом.

Он отвернулся к бумагам, будто разговор уже закончился. Меня привезли сюда силой, отобрали телефон, запретили выходить – и теперь предлагали считать всё это заботой.

– И ещё, Лика, – бросил он, когда я направилась к двери. – Не пытайся сбежать.

– Не обещаю, – ответила я. – Вы пока не объяснили мне, какие у меня есть другие варианты.

За дверью ждал Костя.

– Пойдёмте, Лика.

– Можно просто Лика, – сказала я. – После сегодняшнего дня формальности кажутся лишними.

Он едва заметно улыбнулся и повёл меня по широкому коридору. Всё вокруг кричало о деньгах. Очень больших деньгах. А я шла следом и думала только об одном: почему мне кажется, что Волков рассказал далеко не всё?

Глава 3. Два дня ожидания

Два дня прошло с того разговора с Максимом Александровичем Волковым. Два дня, за которые я так и не поняла, сколько ещё пробуду в его доме.

Сначала я ждала объяснений. Потом – хотя бы разговора. Но хозяин особняка исчез, оставив меня среди дорогой мебели, молчаливой охраны и людей, которые отвечали на любой вопрос так осторожно, будто давали показания. Большая спальня не делала этот дом менее чужим. И уж точно не заменяла свободы.

Выделенная мне спальня была чуть ли не размером с мою квартиру. Там имелась даже отдельная гардеробная. Костя привёз мои вещи и, к моему удивлению, не забыл пижаму с котиками. От этого почему-то стало ещё тоскливее: всё привычное теперь умещалось в одной дорожной сумке.

– Спасибо, что привёз вещи, – сказала я Косте.

– Не за что.

Он уже собирался уйти, но я остановила его вопросом о том, когда смогу вернуться домой. Костя только покачал головой. Марина Васильевна, управлявшая домом, оказалась женщиной лет пятидесяти пяти с осанкой строгой директрисы и спокойным голосом.

– Если понадобится что-то, обращайтесь, Лика.

Я понимала, что ей нелегко придётся со мной. Но сейчас даже её спокойствие казалось утешением.

К вечеру я попросила чай, книгу из библиотеки и разрешение занять кухню. Марина Васильевна помогла мне приготовить ужин. На какое-то время запах свежей выпечки заглушил тревогу, но стоило остаться одной, как она возвращалась.

На второй день я окончательно поняла: сидеть дома одной по собственному желанию и находиться взаперти в чужом доме – две совершенно разные вещи. В первом случае ты наслаждаешься свободой. Во втором хочется выть на луну.

Я прочла книгу, пересчитала ступеньки главной лестницы, осмотрела сад и выяснила, что никто из работников дома не готов обсуждать со мной решения хозяина. Костя был единственным, кто хотя бы не делал вид, будто не слышит моих вопросов.

– Костенька! Где Максим Александрович?

– Занят.

– А где занят?

– По делам.

– Ты хоть можешь сказать, когда он вернётся?

Костя промолчал.

– А если мне понадобится с ним поговорить срочно?

– Это не моё дело.

– И как мне это сделать?

– Максима Александровича.

– Отлично. Тогда передай ему, что я жду ответа.

– Советую спросить у него самого.

Я решила попытать счастья у Марины Васильевны.

– Вы давно работаете у Максима Александровича?

Она оторвалась от списка продуктов.

– Достаточно давно.

– Он всегда вот так исчезает и оставляет другим разбираться с последствиями?

– У него много дел, Лика.

– А мне нужно домой. Вы можете ему это передать?

– Передам. А сейчас поешьте, пожалуйста.

Мне хотелось добиться от Волкова хоть какой-нибудь реакции. Если он решил, что я буду молча сидеть в комнате и благодарить за гостеприимство, его ждало разочарование. Я решила встретить его лично и задать все вопросы, от которых он так старательно уклонялся.

И всё же мысль о том, что он мне нравится, раздражала сильнее всего. Особенно потому, что я не могла объяснить, как симпатия вообще уживается со злостью на человека, который не отпускает тебя домой.

* * *

Перед зеркалом я долго выбирала, что надеть, и в конце концов остановилась на шортах и лёгкой майке. Не ради Волкова, убеждала я себя. Просто в доме было жарко.

Я распустила русые волосы и слегка подкрасила ресницы. В отражении выглядела почти спокойной. Жаль, что отражения не умеют рассказывать правду.

– Соберись, Лика, – сказала я себе.

Главное – не позволить ему снова закончить разговор раньше, чем он начнётся.

– Костя! – окликнула я охранника в коридоре. – Максим дома?

– Уехал.

– Куда?

– По делам.

– Ты действительно не знаешь или тебе запрещено говорить?

– Не знаю, – ответил он после паузы.

– Передашь, что я его искала?

– Передам.

На этом разговор закончился. Костя снова стал непроницаемым, и спорить с ним было бессмысленно.

Я вернулась к себе ждать.

К вечеру я окончательно разозлилась. Объяснения с Волковым не состоялось лишь потому, что он так и не появился.

Ближе к одиннадцати я услышала шум машины. Из чёрного автомобиля вышел высокий мужчина в знакомой рубашке. Я поспешила вниз, решив, что на этот раз не позволю ему уйти от разговора. На последней ступеньке зацепилась за ковёр.

– Добрый вечер, Максим Алексан…

Моя нога зацепилась за край ковра. Я отчаянно взмахнула руками и приготовилась познакомиться носом с полом. Но сильная рука подхватила меня за талию, другая удержала предплечье. Я врезалась в мужскую грудь.

– Чёрт!

– Артёмова. Что ты делаешь?

Я подняла голову и встретилась с зелёными глазами.

– Собиралась с вами поговорить. Не думала, что получится настолько эффектно.

Он отпустил меня, задержав ладонь на талии всего на мгновение. Я отступила, стараясь не думать о том, как быстро забилось сердце.

– Почему ты стояла за углом?

– Ждала вас.

– Зачем?

Я улыбнулась.

– Ждала, когда вы наконец появитесь.

Максим помолчал и устало выдохнул.

– Уже поздно. Иди спать.

– Нет. Сначала вы ответите на мои вопросы.

– Ты не на работе.

– Вы удерживаете меня здесь второй день и даже не объясняете, что происходит.
– Чего ты хочешь, Лика?
– Знать, что с моей жизнью. И когда я смогу вернуться домой.
– Сейчас небезопасно.
– Для кого? Для меня или для вас?
Он попытался обойти меня, и я преградила ему путь.
– Вы хотя бы можете сказать, кому я должна доверять в этом доме?
Максим остановился и внимательно посмотрел на меня.
– Косте и Марине Васильевне. Они не причинят тебе вреда.
– А вам?
– Я пытаюсь тебя защитить.
– Защита, о которой никто не просил, похожа на заключение. Вы это понимаете?
Он сделал шаг ближе. Я осталась на месте.
– Понимаю, что ты злишься.
– Это ещё мягко сказано.
– Завтра мы поговорим. Я расскажу всё, что смогу.
– Почему не сейчас?
– Потому что я только вернулся и ещё не получил ответы, которых жду сам.
Я заметила, как устало он выглядит. Но жалости это не прибавило.
– Завтра, – повторила я. – И без попыток от меня отделаться.
– Договорились.
Он направился к лестнице, но обернулся.
– И, Лика, будь осторожнее. Не выходи одна за ворота.
– Вы сначала дайте мне выбор, а потом просите обещаний.
Максим ничего не ответил.
– Спокойной ночи, – произнёс он наконец.
– Надеюсь, завтра она будет спокойнее.
Он поднялся наверх. Я осталась в холле и прислушалась к удаляющимся шагам.
Завтра. Мне снова предложили подождать.
Но теперь у Волкова было обещание, о котором я собиралась ему напомнить.
Пока же я поднялась в свою комнату и впервые за два дня заперла дверь изнутри. Пусть хотя бы это решение принадлежит мне.

Глава 4. Незваная гостья

На следующее утро я собиралась вести себя спокойно. Выпить кофе, прогуляться по саду и дождаться обещанного разговора. Но на первом этаже меня ждал сюрприз.

Рядом с Максимом стояла красивая брюнетка в светлом платье. Из тех женщин, у которых даже ранним утром не выбивается ни один волосок из причёски.

Она говорила негромко и держала ладонь на предплечье Волкова – как раз там, где начиналась татуировка. Он слушал её, не отстраняясь. Я остановилась на лестнице и удивилась собственной досаде. Впрочем, чужая личная жизнь меня не касалась. В отличие от моего положения в этом доме.

Я спустилась, стараясь не выдать, что несколько секунд наблюдала за ними.

– Доброе утро.

Оба обернулись. Максим явно не обрадовался, зато брюнетка посмотрела с любопытством.

– Максим, а это кто?

– Лика. Она временно живёт здесь.

«Временно живёт». Звучало так, будто я сама приехала погостить. Я сдержалась: при посторонних выяснять отношения не хотелось.

– Кристина, – представилась женщина, протягивая руку.

– Лика, – представилась я и пожала ей руку.

Максим внимательно посмотрел на меня. Видимо, ожидал какого-нибудь замечания. Я ответила ему невинной улыбкой.

– Ты завтракала? – спросил он.

– Нет.

– Тогда иди на кухню.

– А вы? – спросила я. – Не составите компанию?

– Позже, – коротко ответил Максим. Я ушла на кухню, но спокойствие далось мне с трудом.

Меня раздражало даже не присутствие Кристины, а то, как легко он распоряжался моим днём и моими разговорами.

Марина Васильевна подала сырники. Я некоторое время молчала, а потом всё-таки спросила, кто приезжал к хозяину.

– Кристина Сергеевна давно знакома с Максимом Александровичем, – осторожно пояснила она.

– Насколько давно?

– Давно.

– А встречаются они?

– Лика, это не моё дело.

– Понимаю. Вы не обязаны мне рассказывать.

Марина Васильевна чуть заметно улыбнулась. Я больше не расспрашивала, хотя вопрос остался. И дело было не только в любопытстве: я всё ещё пыталась понять, кому здесь можно доверять.

* * *

После завтрака я вышла в сад. Аккуратные дорожки, ухоженные кусты, высокий забор. За этой красотой было легко забыть, что выйти за ворота мне по-прежнему нельзя.

– Артёмова.

Я обернулась. Максим стоял в нескольких шагах, один, без своей эффектной гостьи.

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

– Надеюсь, на этот раз вы действительно собираетесь говорить.

– Кристина не должна знать, почему ты здесь. Не задавай ей вопросов об этом и не втягивай её в происходящее.

Я склонила голову набок.

– А она вам кто? – спросила я.

– Тебя это не касается.

– Мне важно знать, кто бывает здесь, пока я не могу уйти.

– Кристина работает со мной. Остальное к твоей безопасности не относится.

– Вот и ответ. Можно было сразу сказать.

Он посмотрел на меня, словно решал, продолжать разговор или нет. Я решила не давать ему такой возможности.

– Вы вчера обещали объяснить, что происходит.

Максим помрачнел.

– Помню.

– Тогда я слушаю.

– Нападение возле клуба было не случайным. Я выясняю, кто за ним стоит и почему ты оказалась рядом.

– Это я уже поняла. Но почему меня нельзя отпустить домой?

– Потому что пока я не могу исключить, что за тобой наблюдают. Остальное мне нужно проверить.

– Тогда проверяйте быстрее, – сказала я. – И не обещайте того, чего не собираетесь делать.

Максим не стал спорить. Коротко кивнул и направился к дому. Я осталась у дорожки, недовольная и его ответами, и собственной беспомощностью.

Если Волков не мог дать мне всю правду, придётся внимательнее присмотреться к тому, что происходит вокруг.

Глава 5. Фамилия из прошлого

Наутро я решила больше не провоцировать Максима и не задавать вопросов, на которые он всё равно не ответит. Решимости хватило минут на двадцать: за завтраком я уже расспрашивала Марину Васильевну о его привычках.

– Вы давно здесь работаете?

– Почти пятнадцать лет.

– Пятнадцать лет? И как вам удаётся сохранять такое спокойствие?

– Лика, позавтракайте.

После завтрака я вышла в сад. За несколько дней успела заметить камеры, закрытые двери и время смены охраны. Я не собиралась бежать наугад. Но знать, где находишься и кто за тобой наблюдает, было необходимо.

Просто привычка. Когда долго живёшь с ощущением, что неприятности могут нагрянуть в любую секунду, начинаешь замечать всё: взгляды, машины, выходы. И особенно людей, которые врут.

– Лика! – окликнул меня Костя.

– Костя! – Я обрадовалась знакомому голосу. – Есть новости?

– Даже не мечтайте.

Мы вместе пошли к беседке. Я дразнила его вопросами о работе у Волкова, а он, как всегда, старательно отвечал «нормально», «по-разному» и «не знаю».

Косте пришло сообщение. Он нахмурился.

– Опять какие-то проблемы? – спросила я.

– Рабочее. Не нравится мне всё это. Сначала нападение, потом люди Громова снова объявились…

Я остановилась возле куста с белыми цветами. Громов. Звук будто исчез из мира. На мгновение вместо сада я увидела тёмный подъезд, холодную площадку и вспомнила сообщение, которое не смогла забыть за шесть лет: «Лика, что бы ни случилось, не ищи меня».

– Лика? – позвал Костя.

Я медленно вдохнула.

– Да?

– Всё нормально? Вы побледнели.

Нужно было улыбнуться. Как обычно. Но мышцы лица не сразу послушались.

– Просто вспомнила кое-что.

– Что?

– Ничего важного. Пожалуй, пойду, голова разболелась.

– Проводить?

– Спасибо, я дойду сама.

Я ушла спокойно, не оглядываясь. Только за поворотом дорожки позволила пальцам дрожать.

Громов. Шесть лет. Шесть чёртовых лет. В своей комнате я закрыла дверь, опустилась на кровать и приподняла край майки. Созвездие со спрятанной змеёй на рёбрах выглядело как всегда. Когда-то один человек сказал, что звёзды не исчезают, даже когда мы перестаём их видеть. Я тогда посмеялась над банальностью. Теперь от этой мысли хотелось плакать.

Я опустила майку и подошла к зеркалу. Из отражения смотрела девушка с русыми волосами и холодными голубыми глазами. Я не любила это лицо. Оно напоминало ту Лику, какой я была раньше.

– Соберись, Артёмова, – сказала я своему отражению.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка получилась чужой.

Громов был не тем именем, которое можно услышать и забыть.

Но легче не стало.

* * *

– Максим Александрович, – произнёс Костя с порога кабинета. – По Артёмовой хотел сказать.

Волков отложил документы.

– Что она опять натворила?

– Ничего. В этом-то и дело. Мы гуляли. Я упомянул Громова, и она замолчала.

– Какого Громова?

– Виктора.

Максим застыл.

– И что она спросила?

– Ничего. Побледнела и ушла. Сказала, что голова болит. Пару секунд была будто совсем другим человеком.

– Ничего не спросила? – переспросил Волков.

– Ни слова.

Это было страннее всех её бесконечных вопросов. Если Лику интересовало хоть что-то, она не успокаивалась, пока не получала ответ. А здесь – тишина.

– Где она сейчас?

– У себя.

– Понял. Пока никому ни слова.

Оставшись один, Максим посмотрел на фотографию девушки в папке. Улыбающаяся, голубоглазая. Обычная биография. Обычная работа. Но он уже начинал сомневаться, что перед ним случайная свидетельница.

* * *

К вечеру я поняла две вещи: фамилия Громова прозвучала не случайно – по крайней мере, я не могла позволить себе считать это случайностью. И расспрашивать Максима напрямую было опасно: он слишком внимательно следил за каждым моим словом.

Волков не был глупцом. Если я хотела выяснить, что он знает о Громове, придётся сначала понять, кому здесь вообще можно доверять.

Я сидела на краю кровати, разглядывала узор покрывала и пыталась привести мысли в порядок.

Виктор Громов. Шесть лет назад я поклялась себе, что больше никогда не произнесу это имя. И вот теперь какой-то охранник совершенно спокойно упоминает его посреди разговора.

Совпадение? Возможно. Но я давно перестала верить в совпадения, когда дело касалось определённых людей.

Я закрыла глаза. В памяти всплыло лицо брата. Его улыбка. Привычка взъерошивать мне волосы, зная, как сильно меня это бесило. И голос: «Лисёнок, никогда не показывай людям всё, что умеешь. Пусть недооценивают. Так гораздо интереснее».

Я усмехнулась.

– Я помню, Данька, – прошептала я. – Только не знаю, с чего начать.

Потом поднялась и направилась в ванную. Нужно было привести себя в порядок. И лицо. Особенно лицо. Потому что моя привычная улыбка сегодня почему-то давалась с трудом.

* * *

Ближе к восьми вечера в дверь постучали. Я лежала поперёк кровати и читала очередную книгу, найденную в библиотеке.

– Войдите, – отозвалась я, не отрываясь от книги.

Дверь приоткрылась. На пороге появился Костя.

– Лика, Максим Александрович просит вас спуститься.

Я медленно отложила книгу.

– Сейчас?

– Что?

– Он сказал, зачем?

Он улыбнулся.

– Вас ждут в кабинете.

– Понятно. Значит, разговор серьёзный.

– Не предусмотрены.

Я тяжело вздохнула.

– Ладно. Идём.

– Вы идёте?

– Не заставлять же его ждать, – сказала я и поднялась.

Я поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Русые волосы были собраны в небрежный хвост. На мне красовались домашние шорты и свободная майка. Не самый подходящий наряд для официального разговора с руководством. Хотя, если учесть, каким образом это руководство меня сюда доставило, дресс-код, пожалуй, можно было проигнорировать.

– Костенька, а Максим Александрович в хорошем настроении?

– Не знаю.

– А в плохом?

– Тоже не знаю.

– Ясно. Спасибо, Костя.

Он проводил меня до двери. В коридоре я машинально коснулась татуировки под майкой – жест, который всегда выдавал моё волнение.

Старая привычка. Почти незаметная. Спокойно, Лика. Улыбайся. И слушай внимательно.

* * *

Кабинет Максима находился в дальнем крыле первого этажа. Я уже успела пройти мимо него несколько раз, но внутрь до сегодняшнего дня больше не заходила.

Костя постучал.

– Максим Александрович, Лика пришла.

– Пусть войдёт.

Я повернулась к охраннику.

– Если через полчаса не выйду, считай, что погибла смертью храбрых. И передай Марине Васильевне, что её сырники были лучшим, что случалось со мной в этом доме.

Костя прикрыл рот ладонью. Ага. Смеётся. Я довольно улыбнулась и вошла. Максим сидел за массивным столом, просматривая документы. На нём была чёрная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Рукава, как обычно, закатаны. Тёмная лоза с шипами обвивала предплечье и исчезала под тканью.

Интересно, он вообще носит что-нибудь кроме чёрного? Возможно, чёрный был его способом заранее предупредить окружающих о характере.

– Артёмова.

Я закрыла за собой дверь.

– Максим Александрович. Какая честь! А я уж думала, вы меня разлюбили.

Он поднял глаза.

– Сядь.

– Слушаюсь, мой повелитель.

Я опустилась в кресло напротив стола и чинно сложила руки на коленях. Максим посмотрел на меня с подозрением.

– Ты сегодня подозрительно спокойная.

Я округлила глаза.

– А что, нельзя? Вы же сами просили вести себя нормально.

– От тебя это выглядит ненормально.

Я фыркнула.

– Вот так всегда. Шучу – плохо. Молчу – тоже плохо. Вам, Максим Александрович, не угодишь.

Он отложил бумаги.

– Как себя чувствуешь?

Вопрос оказался неожиданным.

– В смысле?

– Константин сказал, что у тебя болела голова.

Ах ты ж Костенька. Сдал с потрохами. Я махнула рукой.

– Да ерунда. Наверное, от переизбытка свежего воздуха. Я вообще привыкла к клубному аромату алкоголя и чужих несбывшихся надежд.

Максим не улыбнулся.

– Сейчас всё нормально?

– Абсолютно. А что, переживаете?

– Мне не нужны проблемы с твоим здоровьем.

Я приложила ладонь к сердцу.

– Какая забота! Прямо прослезилась.

Он вздохнул.

– Артёмова, давай без этого.

– Без чего?

– Без спектакля.

Я улыбнулась чуть шире.

– А я разве выступаю?

Максим откинулся на спинку кресла. Несколько секунд он молча рассматривал меня. Я спокойно выдержала взгляд. Раньше это молчание раздражало. Теперь же я начинала понимать, что он использует его намеренно.

Большинство людей испытывают дискомфорт, когда собеседник слишком долго не отвечает. Начинают суетиться, говорить лишнее, оправдываться. Полезный приём. Старый. И довольно предсказуемый.

Я устроилась удобнее. Пусть смотрит. У меня сегодня времени много. Наконец Максим заговорил:

– Мы получили новую информацию о нападении.

Я чуть наклонила голову.

– Надеюсь, хорошую?

– Пока неясно.

– Ну прекрасно. Обожаю конкретику.

Он пропустил замечание мимо ушей.

– Есть основания полагать, что за этим стоят люди Виктора Громова.

Вот оно. Фамилия прозвучала совершенно спокойно. Будто речь шла о погоде. Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Но на этот раз была готова. Ни одного лишнего движения. Ни одного вздоха. Я нахмурилась, изображая искреннее недоумение.

– Громов?

– Да.

– Это кто? Местный криминальный авторитет или новый поставщик алкоголя?

Максим смотрел на меня. Очень внимательно.

– А ты не знаешь?

Я пожала плечами.

– Максим Александрович, я бармен. Моя специализация – коктейли и люди, которые после пятого бокала начинают рассказывать, что их никто не понимает. Криминальную энциклопедию я пока не изучала.

Он слегка прищурился.

– Никогда не слышала эту фамилию?

– А должна?

Молчание. Я невинно улыбнулась.

– Если это какой-то знаменитый миллионер, то, возможно, слышала. Хотя у меня с богатыми мужчинами последнее время отношения складываются весьма специфические.

Его губы едва заметно дрогнули. Но он быстро вернул лицу прежнее выражение.

– Громов занимается бизнесом.

Бизнесом. Ну конечно. Как же иначе. Я мысленно усмехнулась.

– Каким?

– Разным.

– Очень информативно. Вы с Костей случайно не родственники?

Максим проигнорировал вопрос.

– Сейчас это неважно.

А вот тут, дорогой мой, ты ошибаешься. Очень даже важно. Я чуть подалась вперёд.

– Подождите. То есть этот Громов пытался убить вашего совладельца?

Максим не ответил сразу. Интересно.

– Я этого не говорил.

– Но предполагаете?

– Рассматриваем такую версию.

Я задумчиво кивнула.

– А что, они конкуренты?

– В некотором смысле.

– Значит, делят бизнес?

– Лика.

– Что?

– Ты задаёшь слишком много вопросов.

Я возмущённо развела руками.

– Ну а что мне ещё делать? Вы же сами меня вызвали! Я теперь заинтересована в собственной безопасности. Имею право знать, кто там собирается меня прикончить.

Он посмотрел на меня.

– Тебя никто не собирается убивать.

Я подняла брови.

– Вы уверены?

Максим замолчал. Вот и замечательно. Не уверен. Иначе ответил бы сразу. Я медленно выдохнула.

– Ладно. Тогда другой вопрос. Почему вы вообще уверены, что те люди знают обо мне?

– Есть основания.

– Какие?

– Тебе пока не нужно этого знать.

Я цокнула языком.

– Максим Александрович, ну так нечестно. Вы знаете всё, я не знаю ничего. А ведь меня, между прочим, похитили.

Он устало потёр переносицу. Я внимательно наблюдала. Так. Громов. Нападение. Второй совладелец клуба. И Максим почему-то не сказал прямо, что раненый человек действительно является его партнёром. Интересно. Очень интересно.

Я решила проверить одну догадку.

– Кстати, а ваш совладелец-то как? Живой?

Максим посмотрел на меня.

– Жив.

– Ну слава богу. А то я уже переживала, что зря всю ночь скорую ждала.

– Благодаря тебе он выжил.

Я неожиданно растерялась. Совсем немного.

– Ну… я просто вызвала врачей.

– Ты сделала больше, чем многие сделали бы на твоём месте.

Я отвела взгляд. Не люблю такие разговоры. Когда тебя хвалят за то, что ты просто не смогла пройти мимо умирающего человека, чувствуешь себя как-то неловко. Особенно если прекрасно знаешь, как заканчиваются некоторые попытки помочь.

– Ладно, – пробормотала я. – Не будем превращать меня в героиню. А то ещё медаль вручите, и придётся речь готовить.

Максим некоторое время молчал. Потом неожиданно спросил:

– Почему ты вообще к нему подошла?

Я подняла глаза.

– В смысле?

– На улице стреляли. Ты могла уйти. Почему осталась?

Хороший вопрос. Очень хороший. Я посмотрела на него.

– А вы бы ушли?

– Мы сейчас говорим о тебе.

Я пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, потому что он был жив.

– Ты рисковала.

– Возможно.

– И всё равно подошла?

Я улыбнулась. Только на этот раз без привычного ехидства.

– Знаете, Максим Александрович, иногда человек просто не может поступить иначе. Даже если потом очень сильно об этом жалеет.

Он нахмурился.

– Ты жалеешь?

Я посмотрела на него. На его зелёные глаза. На неподвижное лицо. На руки, спокойно лежащие на столе.

– О том, что спасла человека? Нет.

Сделала небольшую паузу.

– А вот о том, что после этого познакомилась с вами, ещё думаю.

Он неожиданно усмехнулся. Я тоже улыбнулась. Ну вот. Вернулись к привычному общению. Гораздо лучше.

* * *

Разговор продолжался ещё минут двадцать. Максим задавал вопросы. Я отвечала. Иногда шутила. Иногда делала вид, что совершенно не понимаю, к чему он клонит.

А сама внимательно собирала информацию. Он ни разу не назвал Громова преступником. Ни разу прямо не подтвердил, что тот причастен к нападению. И, что особенно интересно, говорил о нём с осторожностью, которая никак не вязалась с образом всесильного хозяина этого особняка.

Значит, либо боялся. Либо уважал. Либо между ними было что-то ещё. В конце концов Максим устало откинулся на спинку кресла.

– Хорошо, Лика. На сегодня всё.

Я подняла брови.

– Уже? А я только разговорилась!

– Вот именно.

Я театрально вздохнула и поднялась.

– Ну что ж. Спасибо за чудесный вечер, Максим Александрович. Давно меня так романтично не допрашивали.

Он покачал головой.

– Артёмова.

– Да?

– Не делай глупостей.

Я остановилась возле двери. Повернулась.

– Каких именно? А то у меня широкий ассортимент.

Максим посмотрел на меня серьёзно.

– Не пытайся самостоятельно разбираться в том, что тебя не касается.

Опа. А вот это уже интереснее. Значит, что-то заметил? Или просто предупреждает? Я улыбнулась.

– Максим Александрович, ну что вы. Я же девочка маленькая, глупенькая. Какие расследования? Мне бы пиццу и сериал.

Он не улыбнулся. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я открыла дверь.

– Спокойной ночи, дракон.

И вышла, не дожидаясь ответа.

* * *

Только оказавшись в своей комнате, я позволила улыбке исчезнуть. Подошла к окну. Задёрнула шторы. Проверила, закрыта ли дверь. Потом села на кровать и начала мысленно раскладывать разговор по полочкам.

Итак. Виктор Громов действительно существует в окружении Максима. Связан с его бизнесом. Возможно, причастен к нападению. И по какой-то причине Максим не хочет, чтобы я интересовалась этим человеком.

Но самое главное было даже не это. В какой-то момент Волков сказал: «Есть основания полагать, что за этим стоят люди Виктора Громова».

Не сам Громов. Его люди. А значит, Максим либо знал конкретных исполнителей, либо получил информацию от кого-то, кто был достаточно близок к этой истории. И вот это уже стоило проверить.

Я медленно провела пальцами по татуировке на рёбрах. Созвездие. Змея. Память о человеке, которого я потеряла шесть лет назад.

– Ну что, братик, – тихо произнесла я. – Кажется, я снова влезла туда, куда не следовало.

На губах появилась невесёлая улыбка. Я ведь обещала себе оставить прошлое в покое. Забыть. Начать жить заново. Никаких расследований. Никаких опасных людей. Никаких попыток выяснить, почему шесть лет назад всё пошло наперекосяк.

Но теперь… Теперь имя Виктора Громова прозвучало в доме человека, который держал меня взаперти. И я больше не могла сделать вид, что ничего не произошло.

Самое забавное? Максим Александрович Волков, похоже, был абсолютно уверен, что именно он сегодня меня допрашивал. Я тихо рассмеялась.

– Ох, Максимка… Даже не представляешь, кого притащил в свой замок.

* * *

А в кабинете на первом этаже Максим стоял возле окна, задумчиво глядя на тёмный сад.

Разговор с Ликой оставил неприятное ощущение. Она слишком легко отреагировала на фамилию Громова. Слишком легко. Константин говорил, что девушка побледнела и едва не потеряла самообладание. Сегодня же она шутила. Смеялась. Задавала вопросы. И ни разу не выглядела испуганной.

Максим повернулся к столу. Взял телефон.

– Константин, зайди.

Через несколько минут охранник появился в кабинете.

– Да, Максим Александрович?

– Мне нужна полная информация об Артёмовой.

Костя нахмурился.

– Мы же уже проверяли её, Максим Александрович.

– Значит, плохо проверяли.

– Насколько глубоко копать?

Максим взглянул на фотографию Лики, лежавшую в папке.

– За последние десять лет. И проверь всех её родственников.

– Всех?

– Родителей, братьев, сестёр, бабушек, дедушек. Живых, умерших, пропавших. Меня интересует всё. Где работали, с кем общались, какие связи имели. Особенно с Виктором Громовым.

Константин заметно посерьёзнел.

– Думаете, Артёмова что-то скрывает?

Максим медленно закрыл папку.

– Костя, эта девчонка два дня превращает мой дом в цирк. Болтает без остановки, пристаёт с идиотскими вопросами и делает вид, что единственное, чего ей не хватает для счастья, – пицца и телефон.

Он выдержал паузу.

– Но стоит произнести одну фамилию, как она перестаёт улыбаться. А через несколько часов уже смотрит мне в глаза и изображает, что слышит её впервые.

– Возможно, совпадение.

– Возможно, – согласился Максим. – Вот и выясним.

– Понял.

– И, Константин…

– Да?

– Артёмова не должна знать о проверке.

Костя едва заметно усмехнулся.

– С ней это будет непросто.

Максим устало потёр переносицу.

– Поверь, я уже заметил.

Глава 6. У каждого свои скелеты

Лика

Утром я проснулась в чужом доме, где за меня решали, куда можно идти и с кем говорить. Вчерашний разговор не давал покоя: имя Виктора Громова прозвучало слишком близко к прошлому, от которого я шесть лет пыталась уйти.

Солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы. Я долго лежала неподвижно, прислушиваясь к шагам за дверью.

– Да чтоб тебя…

Я перевернулась на другой бок, но уснуть уже не смогла. В памяти снова всплыл вчерашний разговор.

Виктор Громов. Максим Волков. Покушение. И Данька. До вчерашнего дня мне казалось, что эти имена принадлежат разным частям моей жизни.

Шесть лет я справлялась. Иногда плохо. Иногда настолько плохо, что хотелось выключить голову и провести остаток жизни под одеялом. Но всё-таки работала, смеялась, читала книги, покупала ненужные вещи и убеждала себя, что однажды всё станет нормально. А теперь одна фамилия разрушила моё хрупкое равновесие быстрее, чем цены на доставку еды в пятницу вечером.

Я села на кровати и потёрла лицо ладонями.

Я села на кровати. Нужно было выяснить, что связывает Громова с Волковым, и при этом не выдать, насколько важно для меня это имя.

В зеркале отражалась невыспавшаяся девушка с растрёпанными волосами. Я умылась холодной водой и задержала взгляд на собственном лице.

– Справимся, – тихо сказала я. Хотя уверенности в голосе не было.

Я умылась, собрала волосы в хвост и натянула светлые шорты с футболкой. Сегодня намеревалась вести себя идеально: не задавать лишних вопросов, не бросать подозрительных взглядов, ничего не расследовать. По крайней мере, до завтрака.

* * *

В столовой пахло свежим кофе и выпечкой. Марина Васильевна расставляла тарелки, а за большим столом сидел Максим. Я остановилась на пороге. Утро только началось, а главный источник моих нервных расстройств уже здесь.

На нём была тёмно-серая футболка, которая слишком хорошо подчёркивала плечи. Волосы слегка растрепались, на лице лежала тень щетины. Выглядел он неприлично хорошо. Особенно для человека, который держал меня взаперти.

– Доброе утро, – произнесла я со сладкой улыбкой.

– Доброе.

Я повернулась к Марине Васильевне.

– Доброе утро, Марина Васильевна, – сказала я и села за стол.

– Артёмова, сядь и позавтракай.

Я взяла чашку кофе и встретилась с Максимом взглядом. Вчерашний разговор по-прежнему стоял между нами.

Марина Васильевна тихонько рассмеялась. Я села напротив Максима и потянулась за круассаном.

– Вы сегодня рано, – заметила я.

Он поднял глаза от телефона.

– Работы много.

– Настолько, что даже завтрак проходит по расписанию?

– А ты всё ещё ищешь способ меня разговорить.

Я опустила взгляд к тарелке. Он был прав, и это раздражало.

– Не льстите себе, Максим Александрович.

– Тогда ешь, пока не остыло.

Я взяла круассан, решив хотя бы на несколько минут оставить его в покое.

Максим вернулся к телефону.

Марина Васильевна молча подлила мне кофе. Похоже, она тоже заметила напряжение.

– Кстати, где Костя?

– Работает.

– Надеюсь, ему хотя бы иногда дают отдыхать.

– Лика.

– Всё, молчу.

Я сделала несколько глотков кофе, прежде чем решилась задать вопрос, который давно вертелся на языке.

– А можно мне сегодня погулять за территорией?

– Нет.

– Я даже не сказала куда. А если с охраной?

– Нет.

– А если с вами?

Максим поднял взгляд.

– Зачем тебе со мной гулять?

– Мне нужно выйти за пределы участка. Я не собираюсь убегать, но сидеть здесь бесконечно тоже не могу.

– Мне нужно работать.

Я сжала чашку обеими руками. Он даже не пытался объяснить отказ.

На самом деле мне хотелось совсем другого: вернуться в квартиру, получить телефон, открыть старые записи, к которым я годами не прикасалась. Но после вчерашнего разговора просить об этом было бессмысленно. Максим и без того что-то заподозрил.

– Артёмова. Сегодня ко мне приедут люди. Не мешай.

– Я и не собиралась. Но хотелось бы заранее знать, чего ожидать.

– Особенно не надо встречать их.

– Я поняла. Постараюсь не попадаться им на глаза.

Максим коротко кивнул. Меня разозлило, как легко он распоряжался моей жизнью. Никакая забота о безопасности не отменяла того, что оказалась я здесь не по своей воле.

* * *

Максим

– Я проверил то, что вы просили.

Константин закрыл дверь кабинета и положил перед Максимом папку.

– Это всё?

– Предварительные сведения. Полную проверку за десять лет ещё собирают.

Максим открыл папку. На первых страницах – фотография Лики, учёба, работа, адреса проживания. Пока ничего примечательного.

– Семья?

– Родителей проверили. Отец живёт в другом городе, с дочерью почти не общается. Мать тоже жива, но отношения, судя по всему, прохладные. Причины выясняем. Есть бабушка, тётя по материнской линии, двоюродные родственники. По ним проверка продолжается. А внимание привлёк старший брат.

Максим опустил взгляд к документам. Даниил Сергеевич Артёмов.

– Погиб?

– Шесть лет назад. По официальным данным, несчастный случай: падение с высоты. Тело нашли возле недостроенного здания за городом. Ему было двадцать шесть.

На снимке – русоволосый молодой мужчина со светлыми глазами. Сходство с Ликой бросалось в глаза, особенно в насмешливой улыбке.

– Что не так с его смертью?

Костя чуть приподнял брови.

– Почему решили, что что-то не так?

– Иначе ты бы не выделил его отдельно.

– За месяц до гибели Артёмов фигурировал в документах фирмы «Северный вектор».

Максим замер. Шесть лет назад компания занималась строительством, перевозками и ещё десятком направлений, о которых не любили говорить публично. А потом внезапно прекратила существование – вскоре после конфликта между несколькими влиятельными людьми.

– Учредители?

– Формально несколько человек. Фактически компанию связывали с Виктором Громовым.

Максим поднялся и подошёл к окну.

– Дальше.

– За два месяца до смерти Даниил уволился с прежней работы. После этого официальных доходов почти не было. Родным говорил, что собирается переехать, но куда – неизвестно. Часть телефонных записей из дела недоступна.

– А Лика?

– Ей было девятнадцать. После смерти брата взяла академический отпуск, потом вернулась к занятиям. Позже съехала от родителей.

– Причину выясни. Что ещё?

Константин положил на стол копию протокола.

– Её допрашивали как свидетеля. В первоначальном объяснении она указала, что брат говорил об угрозах. В итоговых материалах этой фразы нет. Там написано, что родственники никаких признаков угроз не замечали.

– Кто вёл дело?

– Следователь Соколов. Сейчас на пенсии.

Максим посмотрел на неровную подпись Лики. Девятнадцатилетняя девушка, только что потерявшая брата. Возможно, тогда она пыталась рассказать то, чего никто не захотел услышать.

– Найди Соколова. И выясни всё о «Северном векторе»: сотрудников, сделки, контакты Артёмова.

– Сделаем. Вы ведь тоже помните эту компанию?

– Помню. Но сначала факты. Потом выводы.

За окном мелькнула Лика с книгой под мышкой. Она что-то оживлённо рассказывала Марине Васильевне и смеялась. Максим теперь иначе смотрел на эту улыбку.

– Пока ничего ей не говори, – сказал он.

– Думаете, она знала о связи брата с Громовым?

– Думаю, она знает больше, чем говорит.

* * *

Лика

К обеду я успела сделать три важных дела: объесться клубникой, довести садовника до смеха вопросом, можно ли посадить на территории картошку, и обнаружить, что за мной следят внимательнее обычного.

Охрана здесь была всегда. Но сегодня один и тот же мужчина слишком часто оказывался поблизости: у фонтана, беседки, боковой дорожки. Каждый раз с видом человека, который совершенно случайно пришёл полюбоваться кустами.

Ну конечно. А я выросла в цветочном горшке. Я остановилась возле клумбы, сделала вид, что рассматриваю розы, и заметила его у ворот. Значит, Волков не ограничился вчерашними вопросами. Пускай наблюдает. Главное – не давать ему повода думать, что я замечаю.

В библиотеке было тихо. Я устроилась у окна с книгой, но строчки расплывались. Вместо выдуманных героев перед глазами появлялся Данька: сидит на моей кровати, ест чипсы и нарочно крошит; называет меня Лисёнком; протягивает маленькую подвеску в форме созвездия.

За несколько недель до смерти он стал другим. Реже отвечал на звонки, оглядывался на улице, уходил от вопросов. Однажды сказал: «Если со мной что-нибудь случится, не верь первому, что тебе скажут».

Я разозлилась. Назвала его слова чушью. Последний раз видела живым за два дня до гибели. Мы поссорились: я кричала, что он лезет в мою жизнь, а он ответил, что просто хочет меня защитить. Я хлопнула дверью.

И больше никогда не услышала его голос. Я резко захлопнула книгу.

– Лика?

В дверях стояла Марина Васильевна. Я вздрогнула.

– Господи! Вы так тихо ходите, что вас нужно в разведку отправить!

– Простите. Не хотела напугать. Книга интересная?

– Очень. Правда, главный герой ведёт себя как самовлюблённый козёл.

– Напоминает кого-то?

Я подняла глаза. Она невинно улыбалась. Вот зараза. И эту женщину я тоже испортила.

– Максим Александрович просил передать, что сегодня вечером вы будете ужинать вместе. К восьми.

– Это он добровольно? Может, у него температура?

– Просто приходите, Лика.

Она направилась к двери.

– Марина Васильевна! А что надеть?

– Что-нибудь красивое.

И ушла. Я посмотрела на своё отражение в стекле.

– Ну что, Артёмова. Похоже, сегодня у нас свидание с подозреваемым.

* * *

К восьми я была готова. И нет, я не наряжалась ради Волкова. Просто у меня было чёрное платье чуть выше колен, с тонкими бретелями, и возможность его надеть. А ещё я совершенно случайно потратила сорок минут на волосы и двадцать на макияж. Но это ничего не значит.

В столовой горел мягкий свет. На столе стояли две тарелки, бокалы и небольшая ваза с цветами. Максим, в тёмной рубашке и брюках, стоял у окна. Когда я вошла, он на секунду замолчал.

– Максим Александрович, вы чего так смотрите? Впервые видите девушку в платье?

– Ты опоздала на три минуты.

– Ну хоть бы раз сказал что-нибудь приятное.

Он подошёл и отодвинул мне стул.

– Ого. Манеры. А я думала, вы умеете только приказывать и хмуриться.

– Садись, Лика.

Я устроилась напротив него и оглядела стол.

– Если это романтический ужин, предупреждаю: после первого свидания я не целуюсь. А если допрос – давайте хотя бы сначала поедим.

Максим едва заметно улыбнулся.

– Ты когда-нибудь бываешь серьёзной?

– Бываю.

– Когда?

Когда хоронила брата. Когда пыталась доказать, что он не мог просто упасть с недостроенного здания. Когда поняла, что взрослые люди способны смотреть в глаза и врать так спокойно, будто обсуждают погоду.

– Когда вижу цены на сыр, – ответила я.

Максим рассмеялся. По-настоящему, низко, чуть хрипло. И, чёрт возьми, ему даже это шло.

– Иногда мне кажется, ты специально делаешь всё, чтобы никто не воспринимал тебя всерьёз.

Я медленно опустила вилку.

– А может, я просто такая?

– Может. А может, тебе удобно, когда люди считают тебя глупее, чем ты есть.

На мгновение похолодели пальцы. Я улыбнулась.

– Вы сейчас меня умной назвали? Осторожнее, привыкну.

Он не ответил. И я поняла: Максим Волков начал задавать правильные вопросы. Я подняла бокал с водой.

– Ну что, дракон. За знакомство?

– За правду, Лика.

Бокалы тихо соприкоснулись. И, кажется, каждый из нас подумал об одном и том же. Только не о своей.

* * *

После ужина я пошла в библиотеку за книгой и у приоткрытой двери кабинета услышала голос Кости:

– По Артёмову нашли ещё кое-что.

Я замерла.

– Говори, – ответил Максим.

Я отступила к стене. Не потому, что собиралась подслушивать. Ладно, именно поэтому.

– Его смерть могли намеренно оформить как несчастный случай. Нашли старую копию свидетельских показаний: там есть упоминание угроз, которого нет в итоговом деле.

Мои показания. Те, которые следователь заставил переписать. Я снова увидела кабинет, стакан с водой и Соколова за столом.

«Лика, ты сейчас в таком состоянии, что можешь неправильно помнить события. Не нужно осложнять жизнь ни себе, ни родителям». Мне было девятнадцать. Я верила, что если достаточно громко говорить правду, кто-нибудь её услышит.

– И ещё, – продолжил Костя. – За три дня до смерти Даниил встречался с человеком, который сейчас работает на Виктора Громова.

– С кем?

В ответ послышался шелест бумаги. Я придвинулась к двери, но Костя заговорил слишком тихо, и имени я не расслышала. Зато услышала следующее:

– После похорон он исчез из поля зрения. А теперь снова появился рядом с Громовым.

По спине прошёл холод. Я бесшумно отступила, но не успела уйти.

– Лика?

Максим стоял в дверях и смотрел на меня. Затем опустил взгляд на книгу, которую я сжимала до побелевших пальцев.

– Ты давно здесь стоишь?

Впервые за время знакомства с Волковым я не смогла придумать ни одной шутки.

* * *

Глава 7. Чужие тайны

Лика

– Ты давно здесь стоишь?

Максим говорил тихо. А я всегда считала, что самые опасные люди не кричат: они задают неприятные вопросы ровным голосом и внимательно смотрят, как ты на них отвечаешь.

Я взглянула на помятую обложку книги. Бедная. Ни за что пострадала.

– Достаточно, – сказала я.

Я не стала отшучиваться. Сейчас мне нужен был ответ.

– Что именно ты слышала?

Я подняла голову.

– Кто этот человек?

За спиной Максима появился Костя.

– Лика?..

– Я спросила, кто он.

– Пойдём в кабинет, – произнёс Максим.

– Сначала ответ.

– Лика.

– Имя, Максим.

Только сейчас я заметила, что впервые назвала его просто по имени вслух. Мы несколько секунд смотрели друг на друга, затем я прошла в кабинет. Скандалить в коридоре было глупо, даже по моим меркам.

Максим велел Косте оставить нас. Дверь закрылась. Я положила книгу на край стола.

– Ты подслушивала.

– Да.

Он приподнял бровь.

– Даже отрицать не будешь?

– А смысл? Мы оба знаем, что я слышала разговор.

– Что ты знаешь о Данииле Артёмове?

Холодная злость медленно поднималась внутри.

– Это мой брат.

– Я знаю. Хочу услышать от тебя.

– А я хочу узнать имя человека, с которым Данька встречался за три дня до смерти.

– Для начала успокойся.

От этих слов злость только усилилась.

– Я спокойна. Если перестану, вы сразу заметите.

– Присядь.

– Не хочу. Я не собираюсь устраивать истерику. Я задала простой вопрос.

Максим разглядывал меня так, будто увидел впервые. Мне это не понравилось.

– Имя пока ничего тебе не даст.

– Вы даже не представляете, насколько ошибаетесь.

– Значит, ты его знаешь?

Я промолчала, а потом спросила:

– Вы проверили всех моих родственников?

Он не ответил. И этого оказалось достаточно.

– Значит, проверили. Вчера вы заинтересовались Громовым, сегодня охрана следила за каждым моим шагом, а теперь у вас дело моего брата. Как далеко вы успели зайти?

Он едва заметно напрягся.

– И давно вы собираете сведения о моей семье?

– Кто тебе сказал?

– Вы сами.

Мне удалось усмехнуться, но веселья в этом не было.

– Вы правда считали, что я ничего не замечаю? Что раз я иногда шучу, значит, мне можно ничего не объяснять?

Слишком много, Лика. Злость опять развязала язык.

– Зачем вам понадобилось дело Даньки? – спросила я.

– Его смерть может быть связана с людьми, которые стоят за нынешним нападением. У меня пока недостаточно информации.

– Но что-то вы знаете.

– Шесть лет назад твой брат погиб. Его смерть вызывает вопросы. В тот период он имел отношение к компании, связанной с Громовым.

– К какой?

– «Северный вектор».

В памяти вспыхнула маленькая чёрная флешка с потёртым металлическим корпусом. Данька держал её в ладони и говорил: «Если кто-нибудь спросит, ты ничего не видела. Поняла, Лисёнок?» Тогда я решила, что он опять занимается какой-то ерундой.

– Ты слышала о ней? – спросил Максим.

– Мало.

Правда. Не вся, но правда.

– Насколько мало?

Я опустилась в кресло. Не потому, что он приказал. Просто стоять больше не хотелось.

– Данька постоянно работал. Иногда сразу на нескольких работах. Говорил, что хочет заработать, чтобы мама перестала считать каждую копейку. Вечно всех спасал, даже когда его не просили. Потом начал пропадать. Перестал отвечать на звонки, ушёл от привычных разговоров. За пару недель до смерти сказал, что хочет уехать.

– Куда? Один?

– Не сказал.

Максим выдержал паузу.

– Ты знала об угрозах?

– Вы и это нашли?

– В старом объяснении.

Я невесело усмехнулась.

– А мне говорили, что я всё придумала.

– Кто?

– Следователь.

– Соколов заставил тебя изменить показания?

Я ничего не ответила.

– Мне было девятнадцать, – произнесла я наконец. – Брат умер, родители едва держались. А взрослый дяденька в форме объяснил, что если я продолжу говорить об угрозах, дело затянется, маму будут таскать на допросы, а похороны превратятся в кошмар. Сказал, что Данька просто оступился.

– А ты знала, что нет?

– Мой брат до ужаса боялся высоты. На колесе обозрения сидел с закрытыми глазами. Двадцатишестилетний мужик мог полезть разнимать драку, но не подходил к краю балкона. Он не стал бы ночью забираться на недостроенное здание любоваться звёздами.

– Ты говорила об этом следователю?

– Конечно. Он ответил, что люди иногда преодолевают страхи.

– Удобное объяснение, – тихо сказал Максим.

– Очень.

Впервые его молчание не давило. Он слушал, не перебивая, и от этого хотелось говорить дальше. Но доверять человеку, который держал меня взаперти, я всё ещё не собиралась.

– Теперь ваша очередь. Назовите имя.

Максим посмотрел мне прямо в глаза.

– Арсений Белецкий.

Сеня. Чёртов Сеня. Высокий, худощавый, тёмноволосый. Вечно поправлял часы на запястье. Приходил к нам домой, играл с Данькой в приставку, смеялся над маминими шутками. Однажды помог мне подготовиться к экзамену. После похорон исчез без звонка и объяснений.

– Ты его знаешь, – произнёс Максим.

– Он был другом моего брата. Мама считала его вторым сыном.

– И после гибели Даниила?

– Пропал.

И тогда я вспомнила деталь, которую годами не решалась трогать. Сеня звонил мне перед известием о смерти Даньки. Я не ответила: злилась на брата и решила, что тот опять попросил друга меня успокоить.

Я резко встала.

– Мне нужно выйти.

Максим поднялся следом.

– Подожди. Ты сейчас не в том состоянии…

– Не надо, – оборвала я. Потом тише добавила: – Пожалуйста.

Он отступил. Я направилась к двери, но остановилась у ручки.

– Если вы действительно хотите разобраться, не делайте это за моей спиной. И не надо меня жалеть.

– Я тебя не жалею, Лика.

– Вот и прекрасно.

* * *

В комнате я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Арсений Белецкий жив. Работает на Громова. Возможно, знает, что случилось с Данькой. Я машинально потянулась к тумбочке за телефоном и только потом вспомнила, что Волков его отобрал.

– Сука.

Я опустилась на кровать. Вспомнила, как Сеня сидел на нашей кухне и называл меня младшей сестрёнкой. Помнила даже его голос. Теперь ненавидела себя за то, что он до сих пор звучал так по-домашнему.

Брат погиб. Друг исчез. Показания изменили. А я шесть лет убеждала себя, что сделала всё возможное. Действительно ли сделала? Или просто испугалась?

Я приподняла край майки и коснулась татуировки на рёбрах – маленькой змеи среди звёзд. Созвездие придумал Данька: три звезды рядом и одна чуть в стороне. Он говорил, что, даже оказавшись далеко друг от друга, мы сможем представить одно небо. После его смерти я сделала этот рисунок и пообещала себе узнать правду.

– Похоже, пришло время выполнить обещание, братик.

* * *

Максим

– Она тебе всё рассказала? – спросил Константин.

– Не всё.

Максим стоял у стола и смотрел на дверь, за которой исчезла Лика. Её лицо без улыбки не выходило из головы. Он привык к людям, скрывавшим намерения за любезностью, но в

ней не чувствовалось расчётливой игры. Скорее привычка переживать страшное в одиночку, чтобы никто не догадался, насколько больно.

Это не делало её безопасной. Человек, который однажды потерял самое дорогое, мог пойти на безрассудный поступок.

– Что по Белецкому?

– Работает через несколько фирм, связанных с Громовым. Официально консультант по безопасности. По неофициальным делам ещё разбираемся.

– Подтверждение встречи с Даниилом за три дня до смерти есть?

– Один свидетель и запись в старом журнале посещений. Свидетеля мы пока лично не опросили.

– Проверь. И не делай выводов, пока не будет фактов.

Костя кивнул, но остался стоять.

– Вы просили проверить всех родственников за десять лет. Нашли кое-что странное: за несколько месяцев до гибели Даниила его отец получил крупную сумму. Деньги пришли через цепочку переводов. Почти сразу он погасил долги, остальное снял наличными.

Максим выпрямился.

– Отправитель?

– Выясняем.

– Лика знает?

– Пока неизвестно.

Брат погиб. Его друг исчез. Следователь изменил показания. Отец получил деньги. А спустя шесть лет Лика оказалась свидетелем нападения, связанного с людьми из того же круга.

– Продолжай проверку, – сказал Максим. – Но никаких контактов с её семьёй без моего разрешения. И усиль охрану так, чтобы она не чувствовала себя под конвоем.

Костя усмехнулся.

– С ней второе будет сложнее первого. Она замечает всё.

– Я уже понял.

* * *

Лика

Час ночи. Второй. Третий. Сон не шёл. Я переворачивалась с боку на бок, пыталась читать, считала трещинки на потолке. В конце концов накинула кофту и спустилась на кухню.

Дом спал. Или делал вид. В таких местах даже камеры, наверное, не закрывают глаз.

Я налила молока, нашла печенье и села за кухонный остров. От усталости ломило виски, но стоило закрыть глаза, как я снова видела Даньку и Арсения рядом.

Через несколько минут появился Максим – в спортивных брюках, футболке, босиком, с растрёпанными волосами.

– Ты чего не спишь?

– Не спится, – ответила я. – После сегодняшнего разговора это неудивительно.

Он открыл холодильник.

– А неприличные?

– Неважно. Я просто не хотела оставаться одна в комнате.

Максим налил себе воды и посмотрел на печенье.

– Ужина не хватило?

– Нервы. Если у вас найдётся шоколад, будет совсем хорошо.

Он достал из шкафчика плитку и положил передо мной.

– Серьёзно? Я много чего прошу. Например, вернуть телефон и отпустить домой. А исполняются только гастрономические желания.

Максим сел напротив.

– Ты всегда всё переводишь в шутку?

– А вы всегда спрашиваете то, на что не хотите слышать ответ?

– Попробуй меня удивить.

Я посмотрела на него. На этот раз без улыбки.

– Если перестану шутить, придётся признать, насколько мне страшно.

Я сама удивилась сказанному. Три часа ночи – плохое время для поддержания легенды. Отломила кусочек шоколада и добавила:

– Но не обольщайтесь. Вы меня всё равно раздражаете.

– Взаимно, – усмехнулся он.

Несколько минут мы сидели молча. Впервые это не было соревнованием: два человека за кухонным столом, кружка молока, стакан воды и слишком много секретов.

– Лика, – сказал Максим, – ты можешь не рассказывать всё прямо сейчас. Но если решишь выяснять что-то самостоятельно, сначала поговори со мной.

– То есть предлагаете партнёрство?

– Предлагаю тебе не рисковать жизнью.

– Это звучит разумно. Только не забывайте, что решения о моей жизни должна принимать я.

Он покачал головой.

– Невозможная.

– И всё же вы не ответили: когда я смогу вернуться домой?

Максим задержал на мне взгляд.

– Это я заметил.

Я опустила глаза на шоколад. Неожиданная теплота в его голосе сбивала с толку, но не отменяла того, что он удерживал меня здесь.

– Лучше скажите, что собираетесь делать с Белецким.

Максим не успел ответить. Завибрировал телефон. Он прочитал сообщение, и лицо его изменилось.

– Что-то случилось?

– Тебе лучше вернуться в комнату.

Я поставила кружку.

– Максим. Что произошло?

Он не ответил. Но экран на мгновение повернулся ко мне, и я увидела фотографию: худощавый мужчина с тёмными волосами возле машины. Снято издалека, размыто, но я узнала бы его из тысячи.

Арсений Белецкий. Под фотографией было сообщение: «Белецкий замечен возле дома Артёмовой». Я медленно подняла взгляд на Максима.

– Это мой дом?

Он молчал. Человек, которого я считала исчезнувшим из своей жизни, вернулся спустя шесть лет. И появился не у Волкова. Не у Громова. Он пришёл ко мне.

Глава 8. Призраки не звонят в дверь

Лика

Я ещё раз посмотрела на фотографию. Сомнений не осталось.

Максим молчал. Я смотрела на него, хотя ответ уже знала. На фотографии виднелись наш двор, старенькая скамейка у подъезда и дерево, под которым каждую весну собирались местные бабушки. Я даже узнала машину соседа, который парковался так, словно купил половину придомовой территории. Арсений Белецкий стоял возле моего дома. Человек, исчезнувший шесть лет назад, объявился именно сейчас.

– Лика…

– Только не говорите, что мне нужно успокоиться.

Он остановился на полуслове.

– Я хотел сказать, что ты должна меня выслушать.

– Уже лучше. Продолжайте.

Максим положил телефон экраном вниз.

– Белецкого заметили возле твоего подъезда около получаса назад. Пробыл там несколько минут и уехал.

– Один?

– По предварительным данным, да.

– На какой машине?

– Зачем тебе?

– Потому что я знаю Арсения. Может быть, вспомню что-нибудь важное.

– Лика.

– Максим.

Я ждала ответа, не отводя взгляда.

– На чёрном внедорожнике, – ответил он.

– Номер?

– Не начинай.

Я поставила кружку на стол.

– Я не прошу отпускать меня на поиски. Я прошу не скрывать сведения о человеке, который был другом моего брата.

– Ты никуда не пойдёшь.

– Вот видите? Опять начинаем не с той ноты.

Он провёл ладонью по волосам. Выглядел измотанным – его партнёр едва выжил после нападения, вокруг происходила какая-то чертовщина, а я, судя по всему, служила дополнительным испытанием для нервной системы.

– Почему он приехал? – спросила я тише.

– Пока не знаем.

– Хотел попасть в квартиру?

– Не исключено.

В квартире не было ничего особенно ценного: ноутбук, одежда, книги, телевизор по скидке. Но кое-что там оставалось. При мысли об этом меня словно кольнуло под рёбрами.

– О чём задумалась? – спросил Максим.

– О любимых книгах. Не хотелось бы остаться без них.

Он не поверил. Я видела.

– Дай фотографию ещё раз.

После паузы Максим протянул телефон. Я увеличила снимок. Арсений стоял возле машины, вполоборота к подъезду. Тёмное пальто, короткие волосы, лицо стало жёстче. При-

вычка держать левую руку у кармана осталась прежней. И часы – массивные, серебристые. Данька называл их «будильником на руке».

– Узнала его?

– Да.

– Хорошо знала?

Я вернула телефон.

– Раньше. Теперь начинаю подозревать, что вообще никого не знала.

Максим ничего не сказал. И впервые за вечер его молчание меня устраивало.

* * *

Спать после такого разговора было невозможно. Я вернулась в комнату, легла, досчитала до двухсот, потом мысленно отправила всех виновников моих неприятностей по известному адресу. Безрезультатно.

В четыре семнадцать я села на кровати. Нужен план, желательно составленный с холодной головой, а не в состоянии, когда хочется плакать, кого-нибудь ударить и заказать пиццу одновременно.

Итак: Арсений дружил с Данькой. После смерти брата исчез. Теперь работает на Громова. Сегодня появился возле моего дома – вскоре после стрельбы у «Пантеры». Совпадением это уже не казалось.

А ещё Данька перед смертью отдал мне маленькую чёрную флешку. Тогда сказал, что на ней рабочие документы, и попросил спрятать. После похорон я пыталась её открыть: ноутбук запрашивал пароль, а все мои варианты не подходили. Отец вошёл в комнату, и я убрала флешку. С тех пор ни разу к ней не притронулась.

Не забыла – просто не могла. Всякий раз, когда вспоминала о ней, возвращалось ощущение, будто Данька вот-вот заглянет в дверь и скажет очередную глупость.

Последний раз флешка лежала в коробке со старыми вещами, в шкафу за зимними свитерами. Если Белецкий искал её, значит, он знал о подарке брата. Но откуда?

Я машинально потянулась к телефону и только потом вспомнила, что Волков его забрал.

– Чёрт, – прошептала я.

Потом я поняла: ждать утра не получится. Если Арсений искал флешку, нужно предупредить Максима немедленно.

* * *

Дверь спальни Максима находилась в другом крыле второго этажа. Узнала я об этом совершенно случайно: однажды Костя попросил меня туда не ходить. Естественно, дорогу я запомнила.

Постучала. Тишина. Ещё раз.

– Максим Александрович, у нас чрезвычайная ситуация.

За дверью послышались шаги. Щёлкнул замок, и передо мной появился сонный, раздражённый Волков. Без футболки.

Я невольно заметила татуировку на его плече и тут же заставила себя сосредоточиться. Я пришла не ради этого.

– Лика? Что случилось?

– Простите, что разбудила. Я вспомнила кое-что о Даньке.

– Как?

– Без футболки, – вырвалось у меня. – Неважно. Мне нужно поговорить.

Он закрыл глаза.

– Сейчас половина пятого утра.

– Знаю. Но это важно.

– Ты разбудила меня ради этого?

– Вообще-то у меня предложение.

Максим начал закрывать дверь, и я выпалила:

– Я знаю, зачем Белецкий мог приехать к моему дому.

Дверь остановилась.

– Заходи.

В спальне пахло его парфюмом и свежим бельём. Я невольно глянула на огромную кровать и тут же отругала себя. Мы здесь по делу, Артёмова. Не надо рассматривать интерьер так заинтересованно.

Он натянул футболку и сел напротив. Я наконец смогла сосредоточиться на разговоре.

– У Даньки была флешка, – сказала я. – Перед смертью он оставил её мне.

– Что на ней?

– Не знаю. Она запаролена.

– Где сейчас?

– У меня дома.

Он посмотрел на меня так, будто я сообщила о бомбе под диваном.

– Почему ты молчала?

– Потому что вспомнила только сейчас, что она может иметь отношение к происходящему.

Не совсем честно. Помнила-то я всегда. Просто избегала этой мысли. Максим взял телефон:

– Костя, подними двоих. Нужно проверить квартиру Артёмовой. Сначала подъезд и территорию. Без её разрешения ничего не трогать. Состояние квартиры зафиксировать.

Он выслушал ответ и отключился.

– Я могу поехать? – спросила я.

– Мне нужно поехать с вами. Я знаю, где лежала флешка.

– А если попрошу красиво?

– Без меня вы можете её не найти. А если кто-то уже побывал в квартире, я замечу, что изменилось.

– А если скажу, что без меня вы будете искать флешку до следующего Нового года?

Он задумался. Уже прогресс.

– Объяснишь, где лежит.

– Объясню, если скажете, что собираетесь делать с находкой.

– Попробуем открыть.

– А потом?

– Посмотрим, что там.

Я скрестила руки.

– Если там что-то про Даньку, я хочу узнать первой.

Максим выдержал мой взгляд.

– Посмотрим вместе. Если найдём и сможем прочитать.

– Обещаете?

– Да.

Ни паузы, ни привычной уклончивости. Захотелось поверить – нелепое желание, учитывая, что этот человек до сих пор удерживал меня в своём доме.

– Договорились.

Я направилась к выходу, но у двери обернулась:

– И ещё, Максим. Спасибо, что выслушали.

Я вышла в коридор, не дожидаясь ответа.

За дверью было тихо.

Вот теперь можно было попытаться уснуть.

* * *

Максим

Волков смотрел на закрытую дверь, потом на часы. Четыре сорок пять. Он не спал толком вторую ночь. Его партнёр едва не погиб, люди Громова снова появились рядом, Белецкий объявился возле квартиры Лики. А сама Лика только что ворвалась к нему в спальню с потенциально важной уликой и закончила разговор замечанием о его внешности.

Её упрямство выводило из себя, но за ним стоял страх, который она не желала показывать. И он всё чаще ловил себя на том, что думает о ней не только как о свидетельнице.

Не вовремя. Сейчас личное не должно мешать делу. Телефон завибрировал.

– Максим Александрович, по Белецкому есть новости, – сказал Константин. – Нашли запись с камеры соседнего магазина. Он заходил в подъезд.

– Сколько пробыл?

– Около двадцати минут.

– В квартире?

– Пока неизвестно. На этаже камеры нет.

– Выезжай. Осмотрите всё, но сначала зафиксируйте следы проникновения. Ничего не трогайте без необходимости.

– Понял.

Двадцать минут. Этого вполне хватило бы, чтобы найти коробку со старыми вещами. Максим посмотрел в сторону двери. Он уже представлял, как Лика отреагирует, если единственная оставленная братом вещь исчезнет.

* * *

Лика

Проснулась я ближе к полудню – от стука.

– Лика, можно? – позвала Марина Васильевна.

Я натянула одеяло до подбородка.

– Если с завтраком – заходите. Только скажите сразу, есть ли новости.

Марина Васильевна вошла с подносом.

– Максим Александрович просил вас не будить.

– Значит, решил дать мне выспаться.

Она рассмеялась.

– Кофе, омлет и сырники.

Я поблагодарила её, но заметила напряжение в глазах и отставила чашку.

– Что случилось?

– Лучше поговорите с Максимом Александровичем.

Не успела я задать следующий вопрос, как в дверях появился Костя.

– Лика, Максим Александрович ждёт в кабинете.

Я взглянула на него.

– Флешку нашли?

Он отвёл глаза. На секунду, но этого хватило.

– Костя, что произошло?

– Пусть он сам расскажет.

Я сбросила одеяло. Аппетит исчез.

* * *

В кабинет я вошла без стука. Максим стоял у стола, перед ним лежали фотографии. С первого взгляда я узнала квартиру, хотя выглядела она так, словно по ней прошёл ураган.

Открытые шкафы, выдвинутые ящики, книги на полу. Сдвинутая мебель. На одном снимке валялись мои свитера, на другом зияла пустотой коробка со старыми вещами.

– Что это? – спросила я, хотя ответ был очевиден.

– Лика…

Я подняла фотографию спальни. Потом вторую. На третьей увидела открытую коробку.

– Флешка?

– Мы её не нашли.

Шесть лет она лежала в шкафу. И именно сейчас исчезла.

– Ну конечно, – выдохнула я. – Браво, Артёмова. Берегла столько лет, чтобы какой-то ублюдок пришёл и забрал.

– Пока не доказано, что это Белецкий, – сказал Максим. – Он был в подъезде, но кто проник в квартиру, мы выясняем.

Ненавижу, когда он прав.

– Что-нибудь ещё пропало?

– Ценности не тронули. Похоже, искали определённую вещь.

Вот это уже факты. С ними можно работать. Я стала рассматривать снимки внимательнее. На полу возле кровати лежала деревянная шкатулка: раскрытая, содержимое высыпано рядом. Несколько украшений, старые билеты, монеты. И маленький серебристый кулон в форме звезды.

Сердце вдруг застучало быстрее.

– Максим, можно эту шкатулку крупнее?

Он попросил прислать детальный снимок. Через минуту показал мне экран телефона. Я увеличила изображение. Звезда лежала среди бесполезных безделушек так безобидно, будто не имела никакого отношения к прошлому.

– Данька, ты хитрый засранец, – прошептала я.

– Что?

Я подняла голову. Впервые с утра появилась надежда.

– Кажется, кое-кто ошибся. Флешка была не единственным, что оставил мне брат.

Максим взял телефон, вгляделся в кулон.

– Знаешь, что это?

– Не совсем. Но хочу проверить одну вещь.

– Какую?

Я вспомнила подарок и слова Даньки, которых тогда не поняла.

– Для начала нужно забрать кулон. И убедиться, что с ним ничего не сделали.

* * *

Максим

Сейчас Лика улыбалась иначе. Не прикрывала тревогу привычной болтовнёй – в её глазах горел азарт. Она вновь обрела цель.

– Ты понимаешь, что всё это опасно? – спросил Максим.

– Мой брат погиб шесть лет назад. Я понимаю, что это опасно. Но отступать, когда наконец появилась зацепка, не собираюсь.

– Тогда действовать будем осторожно, – ответил Максим.

– И без секретов друг от друга.

– С этим будет сложнее, чем ты думаешь.

– Попробуйте. Для начала.

Максим усмехнулся. Лика шагнула ближе к столу и вдруг стала серьёзной.

– Только одно условие. Никаких решений за моей спиной. И не отстраняйте меня лишь потому, что считаете себя главным мужчиной в радиусе ста километров.

– Я говорю серьёзно.

– Я тоже, – ответила Лика.

Он протянул руку.

– Хорошо. Будем разбираться вместе. Но без самодеятельности.

Она посмотрела на ладонь, затем вложила в неё свою.

– Договорились, – сказала она после короткой паузы.

Максим чуть сжал её пальцы. На миг Лика растерялась и промолчала. Это удивило его сильнее очередной колкости.

* * *

Лика

Выйдя из кабинета, я остановилась возле лестницы и посмотрела на ладонь. Обычное рукопожатие. Деловое. Так почему я до сих пор помнила тепло его пальцев?

– Не путай благодарность с доверием, Артёмова, – тихо сказала я себе.

Нет. Сейчас нужно выяснить, зачем Белецкий приходил в мою квартиру и что скрывается за старой историей брата.

Я поднялась на несколько ступенек и остановилась. В памяти всплыл день, когда Данька подарил мне кулон. Он никогда не вручал подарки без какой-нибудь загадки или нелепого условия.

«Лисёнок, если однажды заблудишься, просто посмотри на звёзды». Тогда я решила, что он начитался философских цитат. Теперь пальцы сами потянулись к татуировке на рёбрах: три звезды рядом, одна в стороне и маленькая змея между тонкими линиями.

Кулон и придуманное Данькой созвездие были связаны. Я ещё не понимала как, но одно знала точно: брат оставил мне эту подсказку задолго до своей смерти.

И, возможно, уже тогда предчувствовал, что может не вернуться.

Глава 9. Звёзды умеют хранить секреты

Лика

У меня было три вопроса. Первый: почему мой покойный брат решил превратить собственную смерть в квест с загадками? Второй: какого чёрта Арсений Белецкий спустя шесть лет объявился возле моей квартиры? И третий, пожалуй, самый насущный: почему из всех мужчин на планете мне достался именно Максим Александрович Волков?

Последний вопрос я старалась отодвинуть подальше. Сейчас было не время разбираться в том, что я чувствую к Волкову.

Я лежала на кровати, разглядывая потолок, и крутила в пальцах край футболки. Разговор с Максимом закончился почти час назад, но мысли никак не желали собираться в приличную картину. Вместо этого в голове образовалась свалка из воспоминаний, подозрений и совершенно неуместных фантазий о мужчине, который имел наглость выглядеть привлекательно даже в состоянии хронического недосыпа.

– Всё, Артёмова. Хватит.

Я села, убрала волосы с лица и направилась к двери. Для начала следовало выяснить, какие вещи забрали из моей квартиры и что из них я могу получить обратно.

В коридоре я столкнулась с Костей. Он стоял возле лестницы с телефоном в руках и выглядел человеком, которому только что сообщили о внеплановой проверке.

– Костя, можно тебя на минуту?

Охранник поднял голову.

– Лика, только не говорите, что опять что-то придумали.

– Пока ничего. Мне нужно кое-что уточнить.

– Слушаю.

Я улыбнулась и остановилась рядом.

– Слушай, а из моей квартиры всё забрали?

– Не всё. Только то, что может иметь отношение к делу.

– А личные вещи? Их тоже осматривали?

Костя насторожился.

– Какие именно?

– Фотографии, старые коробки. Всё, что не похоже на документы.

– Насколько я знаю, их оставили на месте.

Я выдохнула.

– Хорошо. Спасибо.

Он чуть расслабился, но по-прежнему смотрел на меня настороженно.

– Вам что-то нужно?

– Да. Шкатулка, которую вы нашли в спальне. Я хочу её посмотреть.

– Она у Максима Александровича.

Конечно. Шкатулка оказалась у Волкова. И всё же я надеялась, что он позволит мне осмотреть её самой.

– Он в кабинете?

– Выехал по делам. Вернётся ближе к вечеру.

Я задумалась.

– А шкатулка?

– В кабинете.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга. Костя прищурился.

– Нет.

– Я ещё ничего не сказала!

– Но собирались.

– Костенька, нельзя же быть таким подозрительным. Я вообще хотела предложить тебе чай.

– В кабинете Максима Александровича?

– Ну… атмосфера там располагающая.

Он покачал головой.

– Дождитесь его.

Я тяжело вздохнула.

– У вас тут вообще есть хоть один человек, который умеет нарушать правила?

– Вы.

– И ведь не поспоришь.

Я направилась к лестнице, но через несколько шагов обернулась:

– Кость!

– Что ещё?

– А ты случайно не знаешь, кому принадлежит компания «Северный вектор»?

Его улыбка исчезла. Ответа не последовало. Только взгляд стал внимательнее. Вот и поговорили.

– Ладно, – сказала я, поднимая руки. – Забудь. Просто название красивое. Для туристической фирмы подошло бы.

Я пошла дальше, чувствуя его взгляд спиной. И с каждой ступенькой всё сильнее убеждалась: в этой истории есть нечто, о чём мне не рассказывают. Причём не только из соображений безопасности.

Максим

– Ты уверен, что это тот самый Белецкий?

Максим стоял возле окна переговорной, наблюдая за городом. За его спиной на экране висела фотография мужчины лет тридцати пяти. Тёмные волосы, узкое лицо, аккуратная борода. Дорогой костюм и часы, стоимость которых явно не соответствовала официальной зарплате консультанта.

– Да, – ответил Константин по громкой связи. – Сверили старые фотографии и данные. Ошибки нет.

– Что известно о его нынешней работе?

– Официально занимается корпоративной безопасностью. Неофициально решает деликатные вопросы Громова.

– Какие именно?

– По документам не скажешь. Но после его появления у нескольких компаний возникали проблемы, а затем они переходили под контроль людей Громова.

Максим нахмурился.

– Связь доказана?

– Пока только косвенная.

– Тогда не будем делать выводов. Что по квартире Артёмовой?

– Следы взлома отсутствуют. Замок не повреждён. Вероятно, использовали ключ или другой способ открыть дверь без повреждений.

Максим повернулся.

– У кого был доступ?

– Проверяем. Хозяйка квартиры сдавала жильё через агентство. Есть запасной комплект, но пока неясно, где он находился в момент проникновения.

– А шкатулка?

– Уже у вас в кабинете. Содержимое зафиксировали. Ничего необычного с первого взгляда.

Максим посмотрел на часы.

– Лика её видела?

– Только на фотографии. Сегодня спрашивала, можно ли забрать.

– И что ты ответил?

– Что дождётся вас.

– Хорошо.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Максим Александрович, – произнёс Костя. – Она ещё спрашивала о «Северном векторе».

Волков медленно выпрямился.

– Что именно?

– Кому принадлежит компания.

– Ты ответил?

– Нет.

– И правильно.

Максим отключил связь и задумался. Лика уже знала название. Теперь пыталась выяснить, кто стоит за компанией. Она двигалась не хаотично, как ему казалось вначале, а последовательно, сопоставляя обрывки разговоров и чужие реакции. Ещё вчера он мог бы назвать это обычным любопытством. Сегодня был вынужден признать, что недооценил её.

На столе завибрировал телефон. Сообщение от человека, которого Максим не видел несколько лет.

«Нам нужно поговорить. Речь об Артёмовых. Ты полез туда, куда не стоило».

Номер был неизвестен. Максим перечитал текст. Затем набрал ответ:

«Назови себя».

Сообщение осталось без ответа.

Лика

К вечеру я успела прочитать семьдесят страниц книги, дважды поругаться с кофемашиной и один раз серьёзно задуматься, не начать ли вязать. Последнюю идею пришлось отвергнуть. Во-первых, я не умела. Во-вторых, в этом доме наверняка даже спицы выдавали под подпись.

Марина Васильевна нашла меня в библиотеке. Я сидела на полу между стеллажами, окружённая книгами, и пыталась выбрать следующую жертву своего литературного голода.

– Лика, почему вы на полу?

– Размышляю о вечном.

– На полу?

– Так ближе к земле. Помогает не терять связь с реальностью.

Она улыбнулась.

– Максим Александрович вернулся. Просил вас зайти.

Я подняла голову.

– Сам? Добровольно?

– Да.

– У нас отношения развиваются стремительно. Ещё немного – и он начнёт приглашать меня не в кабинет, а в кино.

Марина Васильевна покачала головой.

– Вы идёте?

– Конечно. Нельзя заставлять мужчину ждать. Особенно если у него в руках моя шкатулка.

Я поднялась, отряхнула шорты и направилась к выходу. Но перед дверью остановилась.

– Марина Васильевна, можно вопрос?

– Разумеется.

– Вы знали Максима десять лет назад?

Она немного удивилась.

– Да.

– Он тогда тоже был таким закрытым?

Женщина усмехнулась, но затем неожиданно посерьёзнела.

– Люди меняются, Лика.

– Из-за чего?

Она помолчала.

– По разным причинам.

Я посмотрела на неё внимательнее.

– А он из-за какой?

Марина Васильевна отвела взгляд.

– Это вам лучше спросить у него самого.

Я не стала расспрашивать дальше. Марина Васильевна явно знала больше, чем хотела сказать, и настаивать было бесполезно.

Максим сидел за столом, когда я вошла. Перед ним лежала знакомая деревянная шкатулка. Моя. Точнее, когда-то она принадлежала маме. Потом перекочевала ко мне вместе с фотографиями, старой бижутерией и прочими вещами, которые невозможно выбросить, хотя практической пользы от них примерно столько же, сколько от зонта в бассейне.

Я остановилась.

– Вот она.

Максим поднял взгляд.

– Заходи.

– Можно посмотреть шкатулку?

Он отложил бумаги.

– Конечно.

– Я давно её не видела. Боялась, что она потерялась.

– Она была среди вещей, которые привезли из твоей квартиры.

Я подошла к столу. И на мгновение забыла обо всех шутках. Шкатулка была чуть поцарапана сбоку. На крышке осталась светлая полоска от наклейки, которую я когда-то пыталась отодрать. Металлическая застёжка потемнела. Вещь из прошлого, маленькая и обычная. Но увидеть её здесь, среди дорогой мебели и чужих документов, оказалось неожиданно больно.

– Можно? – спросила я.

Максим кивнул. Я открыла крышку.

Сверху лежала старая фотография. Мы с Данькой на даче. Мне примерно четырнадцать, ему двадцать один. Я с недовольной физиономией держу арбуз, а он стоит сзади и показывает мне рожки.

Я невольно улыбнулась.

– Идиот.

Максим посмотрел на снимок.

– Брат?

– Угу.

Я провела пальцем по краю фотографии.

– Он вечно портил мне кадры. На всех семейных фотографиях либо корчит рожи, либо строит из себя супергероя.

– Похожи.

Я посмотрела на Максима.

– Кто?

– Вы с братом.

Я снова перевела взгляд на снимок.

– Только он был симпатичнее.

– Не уверен.

Я замерла. Медленно подняла голову. Максим спокойно смотрел на меня. Так. Подождите. Это что сейчас было? Комплимент номер два? У нас тут какой-то сезон распродажи любезностей?

– Максим Александрович, – осторожно произнесла я, – вы себя хорошо чувствуете?

Он вздохнул.

– Ищи кулон, Лика.

– Всё-всё. Работаем.

Я перебрала фотографии, старые билеты и небольшие украшения. Серебристая звезда лежала на самом дне. Я осторожно подняла её. Кулон был маленьким, размером с ноготь большого пальца. Четыре вытянутых луча, гладкая поверхность, тонкая цепочка. Когда-то я носила его почти каждый день. Потом цепочка порвалась, и украшение отправилось в шкатулку.

– Вот, – сказала я.

Максим протянул руку. Я передала ему кулон. Он повернул его к свету.

– Обычная подвеска.

– Я тоже так думала.

– Почему передумала?

Я села напротив.

– Данька любил загадки. В детстве постоянно устраивал мне поиски подарков. Мог спрятать шоколадку и оставить пять записок, чтобы я её нашла.

Максим внимательно слушал.

– А когда подарил кулон, сказал странную фразу.

– Какую?

– Если заблудишься, посмотри на звёзды.

Он нахмурился.

– Это может быть просто красивое пожелание.

– Может.

Я вытянула руку.

– Дайте посмотреть.

Максим вернул кулон. Я повернула его обратной стороной. В центре находилась едва заметная точка. Раньше я принимала её за царапину. Но сейчас я поднесла украшение ближе к глазам.

– У вас лупа есть?

Максим поднял бровь.

– Зачем?

– Хочу проверить одну вещь.

Он достал из ящика небольшую увеличительную лупу для документов. Я даже не стала спрашивать, почему у человека в кабинете лежит подобная вещь. У Волкова, наверное, и набор для обезвреживания бомб где-нибудь припрятан.

Через стекло поверхность кулона выглядела иначе. Вокруг центральной точки обнаружились тонкие углубления. Я повернула подвеску и различила четыре отметки. Сердце забилось быстрее.

– Максим…

Он наклонился ближе.

– Что?

– Посмотрите.

Я передала ему лупу. Он несколько секунд изучал кулон.

– Отметки?

– Звёзды.

Максим перевёл взгляд на меня. Я медленно кивнула.

– Четыре звезды. Три рядом, одна чуть в стороне.

Он снова посмотрел на подвеску.

– Ты уверена, что это не обычный узор?

Вместо ответа я приподняла край футболки ровно настолько, чтобы показать татуировку на рёбрах. Максим замер. Его взгляд скользнул к тонким линиям на моей коже. Я вдруг отчётливо осознала, насколько близко он сидит и что показываю ему место, которое обычно скрыто даже под домашней одеждой. Очень неловкое открытие. Особенно когда мужчина смотрит не только внимательно, но ещё и неприлично красиво.

– Вот, – сказала я, стараясь говорить ровно. – Такой же рисунок.

Максим слегка наклонился. Не прикоснулся. Просто рассмотрел татуировку.

– И змея, – заметил он.

Я опустила футболку.

– Да.

Он поднял глаза.

– Что она означает?

Я помолчала.

– Данька называл её хранительницей.

– Чего?

– Не знаю. Он говорил, что у каждого сокровища должен быть сторож.

Максим снова посмотрел на кулон.

– Значит, рисунок повторяется.

– Именно.

– И ты думаешь, это подсказка?

– Я думаю, мой брат был тем ещё любителем устроить окружающим головную боль.

Он усмехнулся. А я неожиданно почувствовала, что наш разговор стал напоминать что-то нормальное. Не допрос и не попытку вытянуть друг из друга информацию. Мы просто сидели рядом и рассматривали старую вещь. И впервые работали над одной задачей без желания немедленно друг друга придушить. Прогресс. Серьёзный.

Максим взял кулон и осторожно осмотрел крепление цепочки.

– Здесь есть шов.

Я подалась вперёд.

– Где?

Он показал на узкую линию вдоль одного из лучей.

– Видишь?

Я прищурилась.

– Да.

– Возможно, это технологический стык.

– А возможно, тайник?

– Не исключено.

Я довольно улыбнулась.

– Вот! Уже нравится ход ваших мыслей.

Максим посмотрел на меня.

– Только не пытайся открыть его ножом.

Я застыла.

– Откуда вы…

– Лика.

– Ладно. Было такое намерение.

Он покачал головой и потянулся за телефоном.

– Позову специалиста. Пусть посмотрит, не повреждая вещь.

Я мгновенно напряглась.

– Нет.

Максим поднял глаза.

– Почему?

– Потому что это единственное, что осталось у меня от брата. Я не хочу отдавать кулон неизвестно кому.

Он некоторое время молчал. Затем положил телефон.

– Хорошо. Тогда сначала осмотрим его здесь. Без посторонних.

Я удивлённо посмотрела на него.

– Вы так легко согласились?

– Ты просила не принимать решений за твоей спиной.

Я замолчала. Он запомнил мою просьбу и на этот раз не стал решать за меня. Небольшой шаг, но я его заметила.

– Спасибо, – сказала я.

Максим посмотрел на меня.

– Пожалуйста.

И от этого простого слова мне почему-то стало теплее.

Почти час мы рассматривали кулон. Максим принёс настольную лампу, а я попыталась перенести расположение звёзд на бумагу. Линии выходили неровными; я несколько раз начинала заново.

– Не очень похоже, – признала я, когда Максим заглянул через моё плечо.

– Дай посмотреть.

Он наклонился к рисунку и некоторое время молчал.

– Здесь важны расстояния между точками. Попробуем ещё раз.

Я подвинула к нему лист.

– Хорошо. Только ничего не пропустите.

Он усмехнулся и забрал карандаш.

– Дай сюда.

За пару минут он аккуратно перенёс рисунок на бумагу. Четыре точки: три образовывали неровный треугольник, четвёртая находилась отдельно. Через них проходила тонкая изогнутая линия – та самая змея, которую Данька придумал много лет назад.

Я смотрела на рисунок. И вдруг вспомнила.

– Подождите.

Максим поднял голову.

– Что?

– Данька однажды сказал, что это не просто созвездие.

– А что?

Я нахмурилась, пытаясь восстановить разговор. Мне было лет шестнадцать. Мы сидели на крытой веранде дачи и смотрели на небо. Данька рассказывал какую-то историю о звёздах. Я почти не слушала, потому что переписывалась с мальчиком, который тогда казался мне любовью всей жизни. Мальчик, кстати, через две недели начал встречаться с моей подругой. Но сейчас не об этом.

– Он говорил… – начала я медленно. – Что звёзды показывают дорогу только тем, кто знает, откуда смотреть.

Максим задумался.

– Место наблюдения?

– Возможно.

– Ты помнишь, где вы были?

– На даче.

Он посмотрел на меня.

– Где находится дача?

Я назвала посёлок. Максим записал.

– Она ещё принадлежит вашей семье?

Я покачала головой.

– Нет. После смерти брата родители продали её.

Он поднял взгляд.

– Когда?

Я задумалась.

– Примерно через год.

– Кому?

– Не знаю.

Максим снова взял телефон.

– Костя, проверь участок семьи Артёмовых в посёлке… Да, адрес сейчас пришлю. Узнай, кто владел им за последние десять лет и кто владеет сейчас.

Я слушала, чувствуя, как внутри медленно поднимается тревога. Дача. Мы не вспоминали о ней годами. После смерти Даньки мама категорически отказывалась туда ездить. Говорила, что не может находиться в доме, где всё напоминает о сыне. Я понимала. Но тогда почему-то не подумала, что брат мог оставить там что-нибудь важное.

И вдруг вспомнила ещё одну вещь.

– Максим.

Он отключил телефон.

– Да?

– На даче был старый чердак.

– И?

Я медленно выпрямилась.

– Данька постоянно туда лазил.

Максим посмотрел на меня.

– Ты говорила, он боялся высоты.

– Боялся. Но чердак был невысокий, с нормальной лестницей. Он устроил там что-то вроде своего кабинета. Не разрешал мне заходить без спроса.

– Почему?

Я пожала плечами.

– Говорил, что это его место и он не хочет, чтобы я трогала вещи.

Максим внимательно слушал.

– Ты пыталась узнать, что он там хранил?

– Пыталась. Но он не пускал меня внутрь, а я в конце концов перестала спрашивать.

Я невольно улыбнулась воспоминанию, но улыбка быстро исчезла. Перед глазами возникла старая деревянная дверь, небольшой латунный замок и брат, который однажды очень серьёзно попросил меня никогда не пытаться его взламывать.

«Лисёнок, если когда-нибудь понадобится туда попасть, я сам скажу, как».

Я сжала пальцы. Он так и не сказал. Или… Я посмотрела на кулон. Маленькая серебристая звезда. Шов вдоль одного из лучей. Внутри что-то могло находиться. А если там не документы и не флешка, а ключ?

Я медленно повернулась к Максиму.

– Кажется, я знаю, что может быть внутри.

Он посмотрел на меня.

– Что?

– Ключ.

Максим нахмурился. Я указала на кулон.

– От чердака.

Он задумался.

– Размер позволяет спрятать только очень маленький ключ. Если он там вообще есть.

– У Даньки был крошечный латунный замок. Я его помню.

Мы посмотрели друг на друга. И впервые за весь день мне стало по-настоящему страшно. Не из-за Громова и не из-за Белецкого, а потому, что история, которую я шесть лет считала законченной, вдруг начала складываться в последовательность. Исчезнувшая флешка, старый кулон, загадочное созвездие, дача и чердак – возможно, брат действительно оставил мне дорогу к правде. Только я так долго отказывалась по ней идти.

Максим

– Нет, – сказал Максим.

Лика остановилась посреди кабинета.

– В смысле?

– Сегодня мы никуда не поедем.

Она нахмурилась.

– Я ещё даже не предложила.

– Но собиралась.

– Как же меня бесит ваша проницательность.

Максим сложил руки на груди.

– Поздно. Сначала нужно выяснить, кому принадлежит участок и можно ли туда попасть законно.

Лика открыла рот. Потом закрыла. Наконец тяжело вздохнула.

– Ладно. Логично.

Он удивлённо приподнял бровь.

– Ты согласна?

– Не привыкайте. Это временное помутнение рассудка.

Максим усмехнулся. Лика взяла кулон со стола. Несколько секунд смотрела на него. Потом осторожно положила обратно в шкатулку.

– Максим?

– Да?

Она подняла глаза.

– А если там ничего нет?

Он помолчал.

– Тогда будем искать дальше.

– А если всё это просто моя фантазия?

– Проверим и узнаем.

Лика отвела взгляд. Впервые за день её лицо стало растерянным.

– А если я зря всё это затеяла?

Максим поднялся из кресла, подошёл ближе и остановился напротив.

– Лика, ты хочешь узнать, что произошло с твоим братом?

Она кивнула.

– Тогда это не зря.

Несколько секунд девушка смотрела на него. Потом тихо произнесла:

– Вы умеете быть нормальным человеком, Волков.

Он едва заметно улыбнулся.

– Иногда.

– Жаль, что редко.

– Не испытывай судьбу.

Она рассмеялась. И на этот раз он не стал скрывать улыбку.

Лика

Уже возле двери я обернулась. Максим снова сел за стол и открыл ноутбук. Серьёзный, сосредоточенный, как будто мы не провели последние несколько часов, пытаясь разгадать тайну старой подвески. Я постояла немного, наблюдая за ним. И неожиданно спросила:

– Максим Александрович, а вы когда-нибудь теряли кого-то близкого?

Он перестал печатать. Руки замерли над клавиатурой. Я тут же пожалела о вопросе. Не потому, что он был неприличным. Просто иногда чужое молчание говорит больше, чем любой ответ.

Максим медленно поднял голову. В его глазах появилось выражение, которого я раньше не видела. Не злость и не раздражение. Что-то другое, тяжёлое и очень личное.

– Да, – ответил он.

Я молчала.

– Давно? – спросила наконец.

Он посмотрел в окно.

– Достаточно.

Я немного помялась.

– Простите. Не хотела лезть.

Максим снова перевёл взгляд на меня.

– Ты впервые извиняешься за любопытство.

Я усмехнулась.

– Запишите дату. Исторический момент.

Он улыбнулся. Но глаза остались серьёзными. Я поняла, что продолжать разговор не стоит. Не сейчас.

– Спокойной ночи, Максим.

– Спокойной, Лика.

Я вышла. И только в коридоре осознала, что впервые за всё время знакомства мне захотелось узнать о нём что-то не из любопытства, не чтобы поддеть и не ради очередной шутки. А потому, что за этим холодным, властным мужчиной, кажется, тоже скрывалась история, о которой он предпочитал молчать.

Максим

В кабинете Максим ещё несколько минут сидел неподвижно. Вопрос Лики задел воспоминание, к которому он не возвращался много лет. Он открыл нижний ящик стола. Достал старую фотографию. На ней стояли трое молодых мужчин. Все улыбались. Все были уверены, что впереди у них целая жизнь.

Максим провёл большим пальцем по краю снимка. Затем перевернул. На обороте выцветшими чернилами была написана дата – десять лет назад. А ниже три имени: Макс, Роман, Виктор.

Он долго смотрел на надпись. Потом убрал фотографию обратно. Потому что у некоторых историй есть одна неприятная особенность. Сколько ни пытайся их похоронить, однажды они всё равно возвращаются.

И теперь Максим Волков начинал понимать: смерть Даниила Артёмова могла оказаться лишь частью гораздо более старой истории. Той, которая началась задолго до знакомства с Ликой. И в которой он сам когда-то сыграл далеко не последнюю роль.

Глава 10. Дом, который помнит

Лика

Утром я застала Максима на кухне. Он стоял у кофемашины с чашкой в руке, без пиджака и привычного напряжённого выражения лица. На несколько секунд мне показалось, что я вижу совсем другого человека.

Я остановилась в дверях. После вчерашнего разговора мне было неловко смотреть ему в глаза, хотя причин для этого я себе объяснить не могла.

– Доброе утро, Максим Александрович.

Он повернул голову.

– Доброе.

– Вы сегодня рано.

– Не спалось.

– Мне тоже. Всё думала о даче.

Он поставил чашку на стол и посмотрел на меня внимательнее.

Я прошла к столу, уселась на стул и подтянула к себе тарелку с круассанами.

– Какие планы на день?

– Работа.

– А я хотела спросить насчёт поездки.

– На дачу?

– Да. Есть новости от Кости?

Максим поставил чашку.

– Лика, мы ещё не выяснили, можно ли попасть на дачу.

Я отложила круассан.

– Понимаю. Но мне важно туда попасть.

– Я знаю. Как только получим разрешение, поедем.

– Спасибо. Не хочу, чтобы из-за меня возникли проблемы у нынешних владельцев.

Он на мгновение задержал на мне взгляд.

– Ты редко просишь спокойно.

– Обычно у меня для этого мало поводов.

Максим едва заметно улыбнулся.

– Тогда будем считать, что это хороший знак.

– Посмотрим.

– Это взаимно.

Я собиралась ответить, когда на кухню вошёл Костя. Он поздоровался, положил телефон на стол перед Максимом и сообщил, что нашёл владельца участка. Я тут же забыла о круассане и подалась вперёд, требуя подробностей.

– Дом продали пять лет назад, – объяснил Костя. – Покупатели – супруги Соловьёвы. Сейчас они живут в Москве, а дачу используют летом. Соседи говорят, что с сентября там никого не было.

– С ними связались? – спросил Максим.

– Пока нет. Хотел сначала согласовать.

– Так давайте позвоним! – вмешалась я. – Объясним ситуацию. Ну, не всю, конечно. Не думаю, что история о покойном брате, подозрительных документах и возможном убийстве произведёт приятное впечатление.

Максим на секунду задумался.

– Можно сказать, что ты хочешь забрать семейную вещь, которая могла остаться на чердаке.

– Но мы даже не знаем, осталось ли там что-нибудь.

– Поэтому сначала спросим разрешения осмотреть помещение.

Я посмотрела на него с подозрением.

– И вы действительно собираетесь спросить разрешения?

– Лика, не все вопросы решаются незаконными методами.

Я подняла брови. Максим понял, что сказал, ещё до того, как я открыла рот.

– Даже не начинай.

– Нет-нет, просто восхищаюсь. Особенно когда слышу рассуждения о законности от человека, который организовал моё похищение.

Костя кашлянул, отвернувшись к окну. Максим поставил чашку и посмотрел на меня уже без улыбки.

– Я объяснял причины.

– А я говорила, что объяснение и оправдание – разные вещи.

На несколько секунд стало тихо. Я ожидала, что Волков разозлится или напомнит, в чьём доме нахожусь, но он лишь внимательнее посмотрел на меня.

– Ты права, – произнёс он.

Круассан едва не выпал у меня из руки. Костя повернулся, словно хотел убедиться, что не ослышался. Кажется, даже кофемашина перестала шуметь.

– Простите, можно повторить? Желательно на диктофон.

– Не злоупотребляй моментом.

Но он не забрал своих слов. И почему-то именно это оказалось важнее нашей маленькой победы.

Через два часа мы ехали за город. Владельцы дачи оказались вполне адекватными людьми. Женщина по имени Елена Петровна сначала удивилась звонку, затем вспомнила, что покупала дом у семьи Артёмовых, и разрешила осмотреть чердак. Она попросила ничего не ломать и оставить всё в прежнем виде. Её муж должен был подъехать позже и проверить, что дом заперт. Максим пообещал выполнить условия и отдельно уточнил, что мы не станем ничего забирать без согласования.

Я слушала разговор и с трудом верила, что этот дипломатичный мужчина – тот самый человек, который несколько дней назад привязал меня к стулу и допрашивал. Удивительно, сколько талантов скрывается в людях.

Ехали на двух машинах. Впереди – мы с Максимом и водителем, позади – Костя с ещё одним охранником. Мне хотелось возмутиться из-за сопровождения, но после фотографии Белецкого возле моего подъезда я уже не могла притворяться, будто опасности не существует.

За окном мелькали деревья, придорожные кафе и редкие заправки. Небо затянули низкие облака, мокрый асфальт отражал фары встречных автомобилей. Я сидела, прижавшись плечом к двери, и смотрела на знакомую дорогу.

За шесть лет можно окончить университет, сменить несколько работ, пережить неудачные отношения и научиться самостоятельно платить за коммуналку, не впадая каждый раз в экзистенциальный кризис. А можно всё это время обходить стороной воспоминания об одном человеке, потому что они причиняют боль.

Данька обожал эту дорогу. У него была отвратительная привычка подпевать радио, не зная слов. Если песня нравилась, он придумывал собственный текст, обычно настолько неприличный, что мама угрожала пересадить его на заднее сиденье. Я улыбнулась, вспомнив, как однажды брат полчаса пел о несчастной любви соседа к газонокосилке.

– Что-то вспомнила? – спросил Максим.

Я повернулась. Он убрал телефон и смотрел на меня.

– Даньку. Мы часто ездили сюда летом.

– Вы были близки?

– Очень. Он старше меня на семь лет, поэтому в детстве считал своим долгом воспитывать младшую сестру. Правда, получалось у него преимущественно учить меня ругаться, врать родителям и лазить через забор.

– Судя по результату, учитель был талантливый.

Я усмехнулась.

– Вы даже не представляете. Однажды Данька сказал, что если я когда-нибудь выйду замуж за скучного мужика, он лично устроит на свадьбе пожарную тревогу.

– Заботливый брат.

– Угу. Считал, что жизнь должна быть интересной. Только не понимал, что интересная жизнь иногда заканчивается раньше положенного.

Я отвернулась к окну. Максим не стал отвечать, и за это я была ему благодарна. Мне не хотелось слышать, что время лечит, что нужно отпустить прошлое или что Данька наверняка желал бы мне счастья. Люди любят произносить подобные вещи, когда не знают, что ещё сказать.

Максим просто оставил меня наедине с воспоминаниями.

Дом появился за поворотом, и я узнала его сразу. Невысокий деревянный забор теперь был выкрашен в тёмно-зелёный цвет, вместо старой калитки стояли металлические ворота, а вдоль дорожки росли аккуратно подстриженные кусты. Даже крыша стала другой. Но сам дом остался прежним – двухэтажным, с широкой верандой и большими окнами, за которыми когда-то проходило каждое моё лето.

Машина остановилась, но я не спешила выходить. Пальцы похолодели, хотя в салоне было тепло. В детстве мне казалось, что этот дом будет существовать всегда. Что однажды мы с Данькой приедем сюда со своими семьями, будем жарить шашлыки, спорить из-за музыки и смеяться над тем, как сильно постарели наши родители. Теперь дом принадлежал чужим людям, а брат навсегда остался двадцатишестилетним.

– Лика?

Я вздрогнула. Максим смотрел на меня, уже открыв дверь.

– Если хочешь, можем не заходить.

Я покачала головой.

– Нет. Просто странно.

– Что именно?

Я посмотрела на веранду.

– Знать, что место осталось, а жизнь, которая здесь была, закончилась.

Он ничего не ответил. Я глубоко вдохнула, открыла дверь и вышла из машины. Холодный воздух пах мокрой землёй и опавшими листьями. Где-то за соседним участком лаяла собака.

Костя открыл калитку, предварительно связавшись с хозяйкой. Мы прошли по дорожке к дому, и я заметила старую яблоню возле забора. Её не спилили. На стволе по-прежнему виднелись две неровные зарубки. Одну оставил Данька, когда пытался повесить гамак. Вторую – я, когда решила помочь и едва не отрубила себе палец.

Обыкновенная детская глупость. Почему-то именно от неё у меня защипало глаза.

Я отвернулась, делая вид, что рассматриваю сад.

– Красивое место, – произнёс Максим.

– Летом лучше. Здесь раньше были огромные кусты малины. Я могла сидеть в них часами, пока мама искала меня по всему участку.

– Почему пряталась?

– Потому что Данька заставлял меня мыть посуду.

Максим улыбнулся. Я тоже попыталась, и на этот раз получилось.

Внутри дом изменился сильнее, чем снаружи. Новая мебель, светлые стены, другие занавески. Исчез старый сервант с хрустальными бокалами, которые никто никогда не использовал, зато появились современная кухня и большой телевизор.

Я прошла через гостиную, невольно вспоминая, где стояла наша ёлка, как Данька однажды пролил компот на мамин любимый ковёр и как папа читал газеты возле окна, притворяясь, что не слышит семейных споров.

Возле лестницы я остановилась.

– Чердак наверху.

Максим кивнул Косте.

– Осмотрите вход и окна. Без лишнего шума.

Охранник ушёл, а мы поднялись на второй этаж. Коридор оказался почти таким же, каким я его помнила: узким, с деревянными дверями по обе стороны. В конце находилась небольшая лестница, ведущая к люку под крышей.

Я подошла к ней, чувствуя, как неприятно сжимается сердце.

– Вот здесь.

Максим посмотрел наверх.

– Замок?

Я нахмурилась. На люке висел обычный металлический крючок. Никакого латунного замка, который я помнила с детства.

Поднявшись на несколько ступенек, я осторожно толкнула деревянную крышку и заглянула внутрь. Чердак был почти пустым. Вдоль стены стояли две картонные коробки, сложенные пластиковые стулья и старое ведро. Никакого письменного стола, полок или ящиков, которые Данька когда-то притащил сюда из сарая.

Я замерла.

Максим поднялся следом.

– Что?

– Здесь всё убрали.

Он осмотрел помещение.

– После продажи дома прошло пять лет.

– Я понимаю.

Но понимание не помогало. Я забралась внутрь, пригнув голову под низким потолком. Деревянные доски скрипнули под ногами. Здесь, среди старых балок и запаха древесины, Данька когда-то проводил часы, когда хотел побыть один. Я присела возле стены и показала Максиму место, где стояли его стол и полка с книгами.

– Что за книги? – спросил он.

– Разные. История, детективы, какие-то технические справочники. И ещё он коллекционировал карты.

– Географические?

– В основном. Любил старые атласы и планы городов. Мог часами рассматривать улицы и рассказывать, как они выглядели сто лет назад.

Максим задумался.

– А созвездие?

– Что?

– Твой брат увлекался картами, звёздами и загадками. Возможно, рисунок на кулоне связан не с астрономией, а с конкретным местом.

Мысль была разумной. Настолько разумной, что мне захотелось немедленно объявить её своей.

– Вы иногда бываете полезны, Волков.

– Рад заслужить одобрение.

Я поднялась и подошла к небольшому круглому окну под крышей. В детстве оно казалось мне огромным, а теперь стекло едва достигало ширины моих плеч. За ним виднелись соседские крыши и полоска леса.

Я вспомнила, как Данька сидел здесь с блокнотом на коленях и что-то чертил. Мне тогда было шестнадцать. Я пыталась выпросить у него деньги на новые кроссовки, а он сказал, что сделает это только после того, как я отвечу на один вопрос.

«Лисёнок, что важнее – знать, куда идти, или понимать, откуда ты смотришь?»

Я ответила, что важнее иметь нормальную обувь. Данька рассмеялся и всё-таки дал деньги.

Воспоминание заставило меня подойти ближе к окну.

– Максим, подождите.

Он обернулся.

– Что?

Я опустилась на колени. Под окном проходила широкая деревянная балка, на которой виднелись старые царапины, пятна краски и какие-то отметины. Проведя пальцами по шершавой поверхности, я обнаружила рисунок, от которого у меня перехватило дыхание.

Четыре крошечные точки, три из которых располагались рядом, а одна немного в стороне, соединяла тонкая изогнутая линия. Я узнала этот узор мгновенно, хотя последним местом, где ожидала его увидеть, была старая балка под крышей.

– Максим…

Он подошёл.

– Что случилось?

Я отодвинулась, освобождая место.

– Посмотрите сюда.

Максим присел рядом, достал телефон и включил фонарик. Свет выхватил из темноты маленькое созвездие, вырезанное прямо в дереве.

Я посмотрела на него.

– Это он.

– Уверена?

– Данька нарисовал его сам. Он вечно оставлял свои символы где попало. На школьных тетрадях, на коробках, на моих открытках.

Я осторожно коснулась линии, обозначавшей змею. Руки дрожали. Шесть лет я не слышала голоса брата, не видела его улыбки, не могла позвонить ему, чтобы пожаловаться на жизнь или спросить, какой фильм посмотреть вечером. Но сейчас впервые за долгое время почувствовала, будто он действительно оставил мне что-то, кроме фотографий и воспоминаний. Маленький след, который сумел пережить его самого.

– Здесь есть ещё что-то, – произнёс Максим.

Я подняла голову. Он указывал на небольшую букву, вырезанную рядом с четвёртой звездой. Я наклонилась, пытаясь рассмотреть её получше. По очертаниям она напоминала русскую «С».

– Что это? – спросила я.

– Пока не знаю.

– Может, сторона света? Север?

Максим осмотрел расположение окна.

– Возможно.

Я выглянула наружу и попыталась понять, куда оно выходит. В детстве меня совершенно не интересовали стороны света. Главное, чтобы телефон ловил интернет, а родители не замечали, как поздно я ложусь спать.

Максим открыл компас на телефоне.

– Окно направлено примерно на северо-восток.

– Значит, не север.

– Не обязательно. Мы ещё не знаем, что обозначает буква.

Я снова склонилась над рисунком и заметила странность: крайняя звезда была вырезана глубже остальных. Убрав ногтем скопившуюся пыль, я увидела в центре крошечное отверстие.

– Подождите. Посмотрите сюда.

Максим приблизил фонарик.

– Похоже на след от тонкого металлического штифта.

– Может, сюда что-то вставлялось?

– Возможно.

Я вспомнила кулон с едва заметным швом вдоль одного из лучей. В нём могла скрываться небольшая деталь, которая подходила к этому отверстию. Однако пока это оставалось лишь предположением, а проверять его наугад не хотелось.

Максим сфотографировал отметины с нескольких сторон.

– Заберём изображения и попробуем разобраться.

– А саму балку? Может, выпилим? У вас есть бензопила?

Он повернул ко мне голову.

– Лика.

– Что? Просто рассматриваю варианты.

– Мы обещали ничего не ломать.

– Иногда вы невероятно скучный.

– Иногда ты пугаешь меня больше людей, которые действительно пытаются нас убить.

Я рассмеялась, но в этот момент телефон Максима завибрировал. Он посмотрел на экран, и улыбка исчезла.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Костя нашёл интересную информацию.

– Какую?

Максим поднялся.

– О предыдущих владельцах.

Я нахмурилась.

– Каких предыдущих? Это же наша дача.

– Не совсем. Пять лет назад твоя семья продала её Соловьёвым. Но незадолго до этого участок на короткое время оказался оформлен на другого человека.

Несколько секунд я пыталась осмыслить услышанное.

– Подождите. Как это? Мама говорила, что они с папой продали дом сразу после того, как решили сюда больше не приезжать.

– По документам была ещё одна сделка.

– На кого оформляли?

Максим посмотрел на меня.

– На твоего отца.

– Но дом и так принадлежал родителям.

– До этого он числился за матерью. Затем перешёл к отцу, а спустя несколько месяцев был продан.

Я нахмурилась. Отношения с папой давно были сложными, но мысль о том, что он мог скрывать какие-то сделки с нашей дачей, не укладывалась в голове.

– Зачем ему это понадобилось?

– Пока не знаю. Но проверим.

Я снова посмотрела на вырезанное созвездие и вспомнила слова Максима о странных деньгах, которые отец получил незадолго до смерти Даньки. В то время я не задавала вопро-

сов. В семье и без того происходило достаточно вещей, о которых взрослые предпочитали не разговаривать.

Теперь выходило, что папа мог знать гораздо больше, чем рассказывал. И от этой мысли становилось не по себе.

К дому мы вернулись ближе к вечеру. Почти всю дорогу я молчала, рассматривая фотографии с чердака. Максим отвечал на звонки, Костя присылал документы, а я пыталась собрать разрозненные воспоминания в понятную картину. Всё упиралось в отца, и мне это не нравилось.

С ним у нас никогда не было простых отношений. После смерти Даньки он словно перестал замечать, что у него осталась ещё одна дочь. Мы могли месяцами не разговаривать. Иногда он звонил на праздники, спрашивал, как дела, обещал встретиться и снова исчезал. Я привыкла. По крайней мере, убеждала себя в этом.

Когда мы вошли в особняк, Марина Васильевна сообщила, что ужин будет через полчаса. Максим отправился в кабинет, а я поднялась к себе. На кровати лежала книга, которую я начала читать накануне. Я открыла её на заложенной странице, но почти сразу закрыла.

Не читалось.

В голове крутился один вопрос: почему папа получил крупную сумму денег незадолго до смерти Даньки? Если это было связано с братом, то кем он был в этой истории? Свидетелем, участником или человеком, которого заставили молчать?

Я достала телефон, который Максим разрешил мне использовать под присмотром для необходимых звонков. Свой аппарат мне по-прежнему не вернули, и это начинало раздражать сильнее прежнего. Несколько секунд я смотрела на экран, затем набрала номер отца.

После трёх длинных гудков раздался знакомый голос.

– Алло?

– Пап?

На другом конце повисла пауза.

– Лика?

– Да. Привет.

– Что-то случилось?

От его вопроса стало горько. Мы так давно не разговаривали по-настоящему, что даже обычный звонок дочери казался ему предвестником беды.

– Мне нужно кое-что спросить.

– О чём?

Я посмотрела в окно.

– О Даньке.

Тишина стала такой плотной, что я услышала собственное дыхание.

– Зачем тебе это? – наконец спросил отец.

– Потому что я хочу узнать, что с ним произошло.

– Мы уже обсуждали.

– Нет, пап. Вы с мамой говорили, что это несчастный случай, а я должна смириться. Это не обсуждение.

Он тяжело вздохнул.

– Лика, прошло шесть лет.

– Шесть лет ничего не меняют. Я всё ещё хочу знать, что случилось с моим братом.

– Не начинай.

Я крепче сжала телефон.

– Ты получал деньги перед смертью Даньки?

На другом конце что-то глухо стукнуло. Затем отец спросил:

– Кто тебе сказал?

Я почувствовала, как холодеют пальцы. Не «какие деньги» и не «ты ошибаешься». Он спросил, откуда я узнала.

– Значит, это правда?

– Лика, послушай меня внимательно. Не лезь в эту историю.

Сердце забилось быстрее.

– Какую именно?

– Ты не понимаешь, с какими людьми можешь связаться.

Я опустилась на край кровати.

– А ты понимаешь?

Отец не ответил.

– Пап, Данька погиб из-за этих денег?

– Нет.

Слово прозвучало резко, почти испуганно.

– Тогда объясни мне.

– Не по телефону.

Я выпрямилась.

– Что?

– Если хочешь поговорить, приезжай. Но одна.

В обычной ситуации это предложение не вызвало бы у меня подозрений. Однако сейчас, когда кто-то обыскал мою квартиру и забрал флешку брата, встречаться с человеком, который явно скрывал важные сведения, казалось не самой разумной идеей. Даже если этим человеком был собственный отец.

– Почему одна?

Он помолчал.

– Потому что я не знаю, кто сейчас рядом с тобой.

По спине пробежал холодок.

– Пап…

– И ещё, Лика. Если кто-нибудь назовёт тебе фамилию Громов, не верь ни одному слову.

Я перестала дышать.

– Откуда ты знаешь про Громова?

Но отец уже отключился.

Я ворвалась в кабинет Максима без стука. Он сидел за столом и разговаривал по телефону, но, увидев меня, нахмурился и коротко пообещал собеседнику перезвонить.

– Что произошло?

Я остановилась напротив стола. Наверное, у меня был такой вид, что даже желание пошутить у него не возникло.

– Я звонила отцу.

Максим выпрямился.

– И?

– Он знает про Громова.

Я рассказала о разговоре, стараясь ничего не упустить. Максим слушал, не перебивая. Лишь когда я повторила последние слова отца, его лицо изменилось.

– Он сказал не верить Громову?

– Да.

– Почему?

– Если бы я знала, меня бы здесь не было.

Максим поднялся и подошёл к окну. Некоторое время он молчал, обдумывая услышанное.

– Он предложил встречу?

– Да. Но только если я приеду одна.

– Нет.

Я скрестила руки.

– Простите?

Он обернулся.

– Одна ты туда не поедешь.

Внутри мгновенно вспыхнуло раздражение.

– Максим, мы же вроде договорились, что вы перестанете решать за меня.

– Я не позволю тебе ехать на встречу, обстоятельства которой вызывают подозрения.

– Это мой отец!

– Именно поэтому я и предлагаю сначала выяснить, почему он столько лет скрывал информацию.

Я открыла рот, собираясь возразить, но остановилась. Он не повышал голос и не угрожал. Просто смотрел на меня с такой серьёзностью, что злиться становилось сложнее.

– Я хочу с ним поговорить, – сказала я тише.

– Поговоришь.

– Без ваших людей за спиной.

Максим задумался.

– Мы можем организовать встречу в безопасном месте. Ты сама решишь, о чём спрашивать. Охрана останется на расстоянии.

Я посмотрела на него с недоверием.

– И вы не будете диктовать мне вопросы?

– Нет.

– А потом не станете устраивать допрос?

Он помолчал.

– Постараюсь.

Я фыркнула.

– Уже честнее.

Максим подошёл ближе.

– Лика, твой отец может знать, почему погиб Даниил. Но это не означает, что он готов рассказать правду. И если он действительно связан с теми деньгами, нам нужно быть осторожными.

Я опустила глаза.

– А если он виноват?

Вопрос вырвался сам. Я не собиралась произносить его вслух.

Максим некоторое время молчал.

– Тогда мы выясним, в чём именно.

Я подняла голову.

– Даже если мне не понравится ответ?

– Даже тогда.

Он стоял достаточно близко, чтобы я заметила тонкую складку между его бровями, усталость в глазах, небольшую царапину возле запястья и несколько светлых нитей на тёмной футболке. Обыкновенные детали, совершенно не подходящие человеку, которого я до сих пор считала главным нарушителем собственного спокойствия.

– Вы ведь тоже что-то скрываете, Максим? – спросила я.

Он не отвёл взгляда.

– Да.

Признание оказалось неожиданным. Я растерялась.

– Даже не будете отрицать?

– Не вижу смысла.

– И когда расскажете?

Он выдохнул.

– Когда буду уверен, что это не поставит тебя под удар.

Я невесело усмехнулась.

– Знаете, как удобно звучит? Можно скрывать вообще что угодно и говорить, что это ради моей безопасности.

Максим ничего не ответил. И меня почему-то задело именно его молчание.

Я отступила на шаг.

– Я пойду.

– Лика…

– Нет. Не сейчас.

Я вышла, осторожно прикрыв дверь, и остановилась в коридоре, прислонившись к стене.

Самое неприятное заключалось в том, что я начинала ему доверять. Не полностью и не безоговорочно, но достаточно, чтобы его секреты задевали меня куда сильнее, чем должны были.

Максим

Когда дверь закрылась, Максим ещё некоторое время смотрел на неё. Затем вернулся к столу и открыл папку с документами. Финансовые операции семьи Артёмовых, продажа дачи, старое дело Даниила и связи «Северного вектора» постепенно складывались в неприятную картину, хотя главных деталей по-прежнему не хватало.

Он взял телефон и набрал Костю.

– Найди информацию об отце Лики. Все финансовые операции за последние десять лет, особенно те, что проходили через сторонние компании.

– Уже занимаюсь.

– И ещё. Проверь, кто сопровождал раздел бизнеса после смерти Романа.

На другом конце повисла пауза.

– Нашего Романа?

– Да.

– Но это было десять лет назад.

– Я помню.

– Зачем сейчас?

Максим посмотрел на фотографию трёх молодых мужчин, лежавшую перед ним.

– Потому что некоторые вещи начинают выглядеть иначе, когда смотришь на них спустя годы.

Он отключился и задержал взгляд на лице Романа. Затем перевернул фотографию. На обороте, рядом с датой, стояла подпись: «Что бы ни случилось, мы всегда будем на одной стороне».

Максим помнил тот вечер, смех, бутылку дорогого виски и обещания, которые они давали друг другу, уверенные, что дружбу невозможно купить или разрушить. Тогда им казалось, что впереди целая жизнь.

Теперь один из них был мёртв, второго Максим ненавидел почти десять лет, а сам всё чаще задавался вопросом, в какой момент всё пошло не так.

Телефон снова завибрировал.

Незнакомый номер.

Сообщение состояло всего из двух предложений.

«Ты зря вернулся к старым документам, Волков. Роман уже однажды заплатил за любопытство».

Максим положил телефон на стол. Он смотрел на экран, понимая, что человек, отправивший сообщение, знает о его прошлом гораздо больше, чем должен.

И впервые за долгие годы почувствовал не злость, а страх. Не за себя, а за девушку, которая сейчас находилась этажом выше и даже не представляла, насколько близко подобралась к правде.

Глава 11. Цена молчания

Лика

Есть вещи, которые я терпеть не могу. Например, когда отец произносит «нам нужно серьёзно поговорить», а потом исчезает, оставив меня наедине с вопросами.

Я сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на телефон. После вчерашнего разговора отец больше не звонил. Я отправила ему два сообщения, но оба остались без ответа. В первом попросила объяснить, что он имел в виду, упомянув Громова. Во втором, менее дипломатичном, поинтересовалась, не считает ли он нормальным сначала напугать родную дочь, а потом изображать покойника. Сообщения были доставлены. Прочитаны – нет. Прекрасно. У нас, оказывается, семейная традиция: мужчины Артёмовы исчезают именно тогда, когда от них особенно нужны ответы.

Я отложила телефон и посмотрела на шкатулку, которую Максим вчера разрешил забрать к себе. Она стояла на прикроватной тумбочке, рядом с недопитым чаем и книгой, в которой я за последние сутки не продвинулась дальше одной страницы. Серебряный кулон лежал поверх старых фотографий. Я взяла его, повернула к свету и снова рассмотрела тонкий шов вдоль одного из лучей. Вчера на чердаке мы обнаружили созвездие, вырезанное под окном. Рядом с крайней звездой находилось крошечное отверстие, похожее на место для металлического штифта. Максим предположил, что внутри кулона может скрываться небольшая деталь, но мы решили ничего не вскрывать наугад. Решение было разумным и ужасно раздражающим, потому что любопытство – чувство, которому совершенно плевать на здравый смысл.

Я поднесла подвеску к уху и осторожно потрясла. Ничего. Ни звука, ни намёка на тайный механизм. Обычная металлическая звезда, каких в сувенирных магазинах продают сотнями.

– Данька, – тихо сказала я, сжимая подвеску, – что ты пытался мне оставить?

Ответа, разумеется, не последовало. Зато в дверь постучали.

– Лика, вы проснулись? – послышался голос Марины Васильевны.

– Да, Марина Васильевна. Сейчас спущусь.

Дверь приоткрылась, и женщина заглянула внутрь.

– Хорошо, – ответила она. – Завтрак уже на столе.

Я улыбнулась.

– Спасибо. Я скоро буду.

– Не задерживайтесь. Чай остынет.

Я положила кулон рядом со шкатулкой. После разговора с отцом даже обычная забота Марины Васильевны отзывалась неожиданным теплом.

– Максим дома? – спросила я.

– Уехал рано утром.

– Понятно. Тогда увидимся внизу.

Марина Васильевна кивнула и закрыла дверь.

Я осталась одна. В доме, куда попала против своей воли, уже появились люди, к которым я привязалась. От этого собственное положение казалось ещё сложнее.

✦ ✦ ✦

На завтрак Максим не пришёл. Я успела съесть омлет, два тоста и половину булочки, прежде чем Костя сообщил, что Волков уехал рано утром. По его выражению лица можно было предположить, что поездка связана не с покупкой цветов и не с благотворительным марафоном.

– Куда? – спросила я.

– По работе.

– Костя, ты можешь сказать хоть что-нибудь конкретнее?

– Иногда ещё говорю «нельзя».

– Я не вправе обсуждать его встречи, Лика.

Он улыбнулся и потянулся за чашкой кофе. Я решила сменить тактику.

– Слушай, а Максим давно знает Громова?

Костя поставил чашку.

– Давно.

– Насколько?

– Лика…

– Ладно, поняла. Государственная тайна. А если я спрошу, встречались ли они на детской площадке и вместе ели песок, это тоже секретная информация?

– Они когда-то работали вместе.

Я перестала улыбаться. Ответ оказался неожиданным не потому, что я не допускала такой возможности. После фотографии трёх мужчин и странных вопросов Максима о старом бизнесе я уже понимала, что его отношения с Громовым могли начаться задолго до нынешней вражды. Но одно дело строить предположения, и совсем другое – услышать подтверждение.

– Вместе? – переспросила я.

Костя вздохнул, очевидно пожалев о собственной откровенности.

– Это было давно.

– Насколько давно?

– Лет десять назад.

Я посмотрела на него внимательнее.

– А Роман?

Он замер. Я не знала, что именно выдало меня: слишком быстро произнесённое имя или то, как резко изменилось выражение моего лица. Но Костя сразу перестал изображать беззаботного собеседника.

– Откуда ты знаешь про Романа?

Вопрос прозвучал настолько серьёзно, что я машинально выпрямилась.

– Видела фотографию.

– Какую?

– У Максима. Там трое мужчин. На обороте имена.

Костя провёл ладонью по подбородку.

– Он сам тебе её показал?

– Нет.

– Лика, лучше не трогай эту тему.

Я откинулась на спинку стула.

– Ага. Конечно. Так и сделаю. Особенно после того, как ты сказал это голосом человека, который только что нашёл труп в багажнике.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

Мы смотрели друг на друга, пока Костя наконец не отвёл взгляд.

– Роман был близким другом Максима Александровича. Он погиб много лет назад.

– В аварии?

Охранник нахмурился.

– Ты уже знаешь?

Я пожала плечами.

– Кое-что слышала.

Это было почти правдой. Официальную версию гибели Романа я ещё не знала, зато теперь получила подтверждение, что речь действительно шла об аварии.

Костя поднялся.

– Мне пора.

– Кость.

Он остановился.

– Максим считает, что Громов виноват?

Несколько секунд охранник молчал.

– Максим Александрович не любит обсуждать прошлое.

– Я заметила.

– И тебе не стоит делать выводы раньше времени.

Он вышел, а я осталась за столом с остывающим чаем и ощущением, будто за последние несколько минут мне показали край огромной картины, но не позволили рассмотреть остальное. Максим и Громов когда-то работали вместе. У них был общий друг, который погиб десять лет назад. Затем друзья разделили бизнес и превратились во врагов. А шесть лет назад мой брат обнаружил нечто, связанное с компанией Громова, после чего тоже погиб. Совпадений становилось многовато даже для человека, который регулярно путал сахар с солью и однажды умудрился потерять собственные ключи внутри холодильника.

Я достала блокнот, который нашла в библиотеке, и записала всё, что знала. На этот раз обошлась без загадочных схем и отдельных слов, разбросанных по странице. Мне нужно было видеть последовательность событий, а не создавать впечатление, будто я составляю меню для психиатрической клиники. Когда я закончила, в памяти всплыл вчерашний разговор с отцом. Он не сказал, что Громов убил Даньку. Не утверждал, что тот опасен. Он попросил не верить ни одному его слову. И почему-то мне казалось, что это разные вещи.

✦ ✦ ✦

Максим

– Ты уверен, что сведения достоверные?

Максим сидел за столиком небольшого ресторана, расположенного на первом этаже делового центра. Напротив находился мужчина лет пятидесяти с седеющими висками и усталым лицом. Когда-то они работали в одной компании. Теперь Сергей Лавров занимался финансовыми расследованиями и предпочитал не появляться в местах, где его могли узнать бывшие коллеги.

– Настолько, насколько вообще можно быть уверенным в документах десятилетней давности, – ответил он, перелистывая папку. – Я проверил доступные архивы. После смерти Романа ваша компания действительно была разделена, но не сразу.

Максим нахмурился.

– Что значит не сразу?

– Между смертью Романа и окончательным разделом прошло почти восемь месяцев. За это время часть активов перевели на дочерние структуры, некоторые обязательства переоформили, а несколько крупных договоров расторгли.

– Это делалось по соглашению сторон.

– Большая часть – да. Но есть одна операция, которая меня смущает.

Сергей развернул папку и подвинул к нему копию документа.

– За три недели до аварии Роман подписал предварительное согласие на передачу доли в одном из проектов. Согласно документу, деньги должны были поступить на отдельный счёт. Однако после его смерти платёж отменили, а долю включили в общую массу активов при разделе.

Максим прочитал страницу.

– Я не помню этого договора.

– Ты мог о нём не знать. Судя по подписи, Роман действовал самостоятельно.

– Кому он собирался передать долю?

– Вот это самое интересное. Компания-покупатель была зарегистрирована незадолго до сделки, а через несколько месяцев ликвидирована. Её конечный владелец в доступных мне документах не указан.

Максим отложил лист.

– Громов?

Сергей пожал плечами.

– Возможно. Но доказательств нет.

– Кто готовил договор?

– Юридический отдел. Конкретного исполнителя пока не установил.

Максим внимательно посмотрел на собеседника.

– Найди.

– Постараюсь. Но ты должен понимать, что часть архивов могла не сохраниться.

Он кивнул. Сергей закрыл папку, однако не спешил убирать руку со стола.

– Максим, можно вопрос?

– Смотря какой.

– Почему ты вернулся к этому делу?

Максим посмотрел в окно. За стеклом люди торопились по своим делам, не подозревая, что для кого-то прошлое способно оказаться опаснее настоящего.

– Появились обстоятельства.

– Связанные с Громовым?

– В том числе.

Сергей помолчал.

– Я слышал о покушении возле твоего клуба.

– Слухи распространяются быстро.

– Не настолько, чтобы успеть забыть старые. Знаешь, что говорили после смерти Романа?

Максим поднял глаза.

– Что именно?

– Будто вы с Виктором ещё до аварии собирались разделить компанию. Роман был против, и незадолго до смерти между вами произошла серьёзная ссора.

Максим ощутил знакомое раздражение.

– Кто это говорил?

– Люди, которые тогда работали рядом с вами.

– Мы спорили из-за бизнеса. Это не означает, что кто-то желал ему смерти.

– Я и не утверждаю обратного.

Сергей отпил воды.

– Просто мне всегда казалось странным, как быстро после похорон вы стали чужими людьми.

Максим ничего не ответил. Он помнил похороны. Помнил Виктора, стоявшего у могилы с неподвижным лицом, и собственную ярость, которую тогда ещё не мог объяснить. Помнил документы, бесконечные встречи, разговоры о том, кому достанется управление компанией, и постепенно растущее убеждение, что Громов скрывает от него правду. Но Сергей был прав в одном: между смертью Романа и их окончательным разрывом прошло время. И за эти месяцы произошло немало вещей, о которых Максим предпочитал не вспоминать.

– Проверь договор, – произнёс он. – И найди человека, который его готовил.

Сергей кивнул.

– Хорошо. Только учти: если там действительно что-то незаконное, это может затронуть не одного Громова.

– Я понимаю.

– Включая тебя.

Максим встретил его взгляд.

– Поэтому я и хочу знать правду.

✦ ✦ ✦

Лика

К обеду я решила, что дальнейшее пребывание в неведении представляет серьёзную угрозу моему психическому здоровью. С другой стороны, психическое здоровье давно покинуло этот дом, не оставив даже записки. Максим не отвечал на сообщения. Отец тоже. Костя старательно избегал разговоров, а Марина Васильевна оказалась единственным человеком, готовым обсуждать со мной что угодно, кроме расследования.

В итоге мы полчаса говорили о выпечке, домашних растениях и мужчинах, которые считают, что грязная посуда обладает способностью самостоятельно перемещаться в раковину. Последняя тема неожиданно нас объединила.

– Максим Александрович в молодости тоже оставлял чашки где попало, – призналась она, раскатывая тесто.

Я удивлённо посмотрела на неё.

– Он вообще был молодым?

– Представьте себе.

– Я думала, он родился сразу тридцатипятилетним, с портфелем и ипотекой на чужие нервы.

Марина Васильевна рассмеялась.

– Нет. Раньше он был гораздо веселее.

Я прислонилась к столешнице.

– До смерти друга?

Её руки остановились. Мне мгновенно стало неловко.

– Простите. Не стоило спрашивать.

Она некоторое время смотрела на тесто, затем тихо произнесла:

– Роман был хорошим человеком. Часто приезжал сюда, когда Максим только купил дом. Они могли спорить часами, а через пять минут смеяться так, что было слышно на втором этаже.

– А Громов?

Марина Васильевна вздохнула.

– Виктор тоже бывал. Они дружили с юности.

Я задумалась.

– И что между ними произошло?

Она покачала головой.

– Я знаю только то, что после похорон Романа всё изменилось. Максим почти перестал бывать дома, Виктор больше не приезжал. А однажды они встретились здесь, в кабинете, и так поссорились, что я думала, дело дойдёт до драки.

– Из-за чего?

– Не слышала. Только Виктор, уходя, сказал, что Максим однажды пожалеет о своём решении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.